

Марина и Сергей ДЯЧЕНКО

Магам можно все

Марина и Сергей Дяченко

Магам можно все

«Автор»

2001

Дяченко М.

Магам можно все / М. Дяченко — «Автор», 2001

Наследственный маг Хорт зи Табор отлично знает, что магам можно все. Они вправе карать и миловать, предавать и обманывать, играть людьми, будто деревянными куклами. Магам можно даже любить. Только пусть они потом не жалуются...

© Дяченко М., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Марина и Сергей Дяченко

Магам можно все

* * *

Миллион лет назад...

Ладно, пусть не миллион лет, но все-таки очень, очень давно стоял городок на берегу моря. Жители его были бедны и кормились тем, что уступали свои дома постояльцам. Постояльцы – чужаки – являлись летом, когда море было теплым и цвела магнолия; они хотели радости, и городок, прилепившийся у кромки самого красивого в мире парка, давал им эту радость.

Миллион лет назад.

Двери крохотного санузла были плотно закрыты, потому что в комнате спал сын; здесь, между ванной и унитазом, было очень тесно, квадратный метр истертой плитки под ногами, квадратный метр облупленного потолка над самой головой, запасная вода в цинковом баке, маленькое зеркало в брызгах зубной пасты, в зеркале отражаются два лица – одно против другого, слишком близко, будто за мгновение до поцелуя, и собеседников можно принять за влюбленных, если не смотреть им в глаза.

– ...Ты понимаешь, что после этих твоих слов ничего у нас не может продолжаться? Что я никогда не смогу переступить через эти твои слова? Что это конец?

– Что я такого сказала?

(Не оправдываться! Только не оправдываться. Это... жалко).

– Что ты сказала?!

– Да, что я сказала? Почему ты...

Нет ответа. Есть дверь, качнувшаяся наружу и закрывшаяся опять.

Есть вода в цинковом баке и нечистое маленькое зеркало, отражающее теперь уже одно, некрасивое, красное, в гримасе рыданий лицо.

Уже рассвет, но желтой лампочке под потолком на это плевать. Как летнему солнцу плевать на женщину, скорчившуюся на краешке ванны. Какая бы не случилась катастрофа – солнце будет вставать вовремя, и даже если курортный городок со всеми своими жителями однажды обрушится в море, солнце все так же будет подниматься и опускаться, миллион лет...

Это было миллион лет назад. Теперь это не имеет никакого значения.

Глава первая

Занимательная геральдика: ЧЕРНЫЙ ХОРЕК НА ЗОЛОТОМ ПОЛЕ

* * *

– ...Как здоровье вашей совы?

– Сова поживает прекрасно, благодарю вас...

Моя сова околела пять лет назад, но я ответил, как велела мне вежливость. Говорят, современный ритуал обмена любезностями берет корни из давно забытого наречия; в старину приветствие примерно так и звучало: «Ком сава?»

Гость кивнул так удовлетворенно, будто здоровье моей совы действительно вызывало у него живейший интерес. Откинулся на спинку замечательно неудобного кресла; вздохнул, разглядывая меня из-под насупленных редких бровей.

Для своих пятидесяти девяти он выглядел не так уж плохо. Я знал, что маг он не наследственный, а назначенный, что магическое звание он получил, будучи уже деревенским комиссаром, и что на аттестации ему зависили степень – дали третью вместо четвертой.

И еще я знал, как он ко мне относится.

– А как здоровье вашей совы, господин комиссар?

– Благодарю вас, – ответил он медленно. – Превосходно.

Я знал, что в тот же день, как комиссар был назначен магом, все окрестные охотники получили заказ на совенка. Немало совьих семейств понесло тогда тяжелую утрату; из нескольких десятков птенцов свежеиспеченный маг выбрал одного – и теперь мой вопрос и его ответ наполнены были живейшим смыслом, потому что отобранная комиссаром сова оказалась хилой и все время болела.

Или он неверно за ней ухаживал?..

Молчание затягивалось. Наконец, комиссар вздохнул повторно:

– Господин наследственный маг. От имени комиссариата и поселян я рад передать вам приглашение на праздник урожая, который состоится в последний день жатвы.

Я вежливо наклонил голову. Комиссар смотрел на меня устало и как-то болезненно. Видит сова, он не хотел идти ко мне на поклон; он сам изо всех сил пытался поправить дело – последние три дня на небе то и дело случались тучки, бессильные, бесплодные, холостые. Он стоял посреди двора, он бормотал заученные заклинания, он даже плакал, наверное, от бессилия... А потом преодолел отвращение и страх, сел в двуколку и поехал ко мне. По дороге разворачивал оглобли не раз и не два, и возвращался, и разворачивался снова – и вот сидит теперь, смотрит, щурясь, мне в глаза. Чего-то ждет, наивный.

– Весьма благодарен, – сказал я проникновенно. – Обязательно приду.

Комиссар проглотил слюну; ему предстояло сформулировать просьбу, и я с удовольствием смотрел, как он мучится.

– Господин наследственный маг... – выговорил он наконец. – Позвольте обратить ваше внимание на засуху.

– Как-как? – переспросил я с ласковой улыбкой.

– На засуху, – через силу повторил комиссар. – Вот уже почти месяц не было дождя... между тем состояние всходов... внушает опасение. Поселяне боятся, что праздник урожая будет... омрачен.

Он замолчал и уставился мне в переносицу; я улыбнулся шире:

– Надеюсь, *меня* никто ни в чем не подозревает?

Комиссар пожевал губами:

– Что вы, что вы... Никоим образом. Безусловно, это стихийное бедствие имеет естественную... немагическую природу. Однако еще немного – и нас ожидает неурожай, сравнимый с бедствием тридцатилетней давности, вы, наверное, не помните...

В последних словах обнаружились тонкие заискивающие нотки. Еще немного – и он скажет мне «сын»... или, чего доброго, «внучек»!

– Не помню такой древности, – признался я со смехом. – И, если честно, я никогда не интересовался сельским хозяйством. До недавних пор мне верилось, что брюква растет на деревьях!

Комиссар смотрел на меня с тоской; дать бы тебе мотыгу, явственно читалось в его взгляде. Выгнать бы на поле, под палящее солнце, и тогда поглядеть бы на тебя, здоровенного сытого лентяя. Поглядеть бы хоть раз на твой поединок со свекольной грядкой!..

В следующую секунду комиссар шумно вздохнул и прикрыл глаза. Видимо, картина, представлявшаяся ему, оказалась слишком яркой.

Я оборвал смех. Помолчал, любясь бессильной злостью визитера; сплел пальцы, потянулся, разминая суставы:

– Если вы, господин маг третьей степени, не в состоянии организовать маленькую тучку – обратитесь к бабушкам в деревнях. Народные средства не всегда заслуживают осмеяния...

Он поднялся. Наверное, у него в запасе остались еще аргументы – деньги, почести, обращения к моей совести – но презрение оказалось сильнее.

– Прощайте, господин наследственный маг... Здоровья и процветания вашей сове!

Слово «наследственный» он произнес с нескрываемым презрением. Гордые мы, гордые, ничего не поделаешь, наша гордость бежит впереди и распахивает всех локтями...

– Осторожнее, – сказал я заботливо. – Смотрите под ноги.

Комиссар вздрогнул.

Про мой дом ходило в округе множество легенд: говаривали, например, о бездонных колодцах, куда в изобилии валятся жертвы потайных люков, о крючьях, клочьях, удушающих тюлем занавесках и прочих опасностях, подстерегающих нежелательного гостя...

Я любил свой дом.

Я никогда не был уверен, что знаю его до конца. Вот, например, не исключено, что где-то среди книжного хлама до сих пор обитает настоящая *сабая*, которую мне не поймать, как ни старайся. Но поведай я сплетникам о *сабае* – они не впечатлятся, другое дело свирепый камин, перемалывающий гостя каменными челюстями, или, скажем, бездонный ночной горшок, хранящий в круглом фарфоровом чреве смертоносные шторма...

– Здоровья вашей сове! – запоздало крикнул я вслед уходящему комиссару.

Из приоткрытого окна тянуло зноем. Я представил, как назначенный маг третьей степени (на самом деле четвертой) выходит на крыльцо – из прохладного полумрака прихожей вываливается в раскаленное марево этого сумасшедшего лета. Как натягивает на глаза шляпу, как бранится сквозь зубы и бредет под солнцем к своей двуколке...

Почему он меня не любит – понятно. Но почему я его не люблю?

* * *

ЗАДАЧА № 46: Назначенный маг третьей степени заговорил от медведки огород площадью 2 га. Поле какой площади он может заговорить от саранчи, если известно, что энергоемкость заклинания от саранчи в 1,75 раза больше?

* * *

Спустя полчаса после ухода комиссара колокольчик у входной двери издал негромкое, сдавленное «динь-динь». По-видимому, визитер находился в смятенных чувствах; некоторое время я раздумывал, что бы это могло так смутить моего друга и соседа, и, так и не предположив ничего, пошел открывать.

Гость вломился, отодвинув меня в глубь прихожей – высокородный Ил де Ятер имел свойство заполнять собой любое помещение, и заполнять плотно. В первый момент – пока не притерпишься – мне всегда становилось тесно в его присутствии.

– Проклятье, с утра такая жарница... А у тебя прохладно будто в погребе, устроился, колдун, как вошь в кармане, даже завидно...

За привычным напором и привычной спесью визитера пряталось смятение, то самое, что заставило хрипеть мой звонкий дверной колокольчик. Что-то случилось. Большое. Неприятное.

– Мои приветствия, барон, – сказал я смиренно. – Желаете выпить?

– Пиво есть? – отрывисто спросил высокородный Ятер.

И через несколько секунд, опуская на стол опустевшую кружку:

– Значит так, Хорт. Папаша вернулся.

Я налил ему еще – не рассчитал, пена хлестнула через край.

– Вернулся, – повторил барон удивленно, будто не веря своим словам. – Вот такой, преблагая лягушка, номер.

Я молчал. Гость опрокинул вторую кружку, вытер пену с жестких усов,дохнул мне в лицо пивным духом:

– Э-эх... На рассвете. Слугу, что ему открывал, я запер в подвале, там устройство хитренькое, знаешь, можно воду пустить – так труп потом во рву всплывает... Или не всплывает – по желанию.

– Раскисаешь, наследник, – сказал я с сожалением.

Барон вскинулся:

– Я?! Слуга-то живехонек пока. Просто привычка у меня такая, как у крысы, чтобы всегда второй выход был...

Я вздохнул.

Папаша Ила де Ятера, самодур шестидесяти двух лет, пропал без вести год и восемь месяцев тому назад. Отправился в путешествие с молоденькой невестой – и сгинул; предполагалась смерть от руки неведомых разбойников. Через полгода, согласно закону, наследство и титул перешли к старшему сыну Илу, тому самому, что хлестал сейчас мое пиво.

Впрочем, если старый барон вернулся... пивом такую новость не зальешь. Потребуется напиток покрепче; Ил-то, выходит, самозванец. Негодный сын, получивший наследство при живом отце.

В самом лучшем случае моего дружка ждет удаленная обитель. В худшем – труп всплывает во рву. Или не всплывает. По желанию. О нраве старика Ятера в этих краях слышаны даже те, кто от рождения глух...

– Сядь, – предложил я.

Барон покорно опустился на козетку; еще минуту назад казалось, что комната переполнена им как дрожжами. Теперь наваждение схлынуло – посреди гостиной сидел некрупный мужчина в щегольском, но изрядно помятом платье. Даже шляпа, небрежно брошенная в угол, казалась помятой и обиженной на весь мир.

– Подробности, – потребовал я, усаживаясь напротив.

Барон-самозванец потрогал стриженные усы – осторожно, будто боясь уколоться:

– На рассвете будит меня Пер, дурень этот, глаза на лбу: старый хозяин, мол изволили объявиться, изволили постучаться и пройти к себе. Я сперва подумал – приснилось, мне и не такое, бывало... ну да ладно. Потом гляжу – преблагая лягушка, все наяву, от Пера чесноком разит... Я его за шиворот – и в батюшкины комнаты, а там, знаешь, я все переделать велел, стену проломить, хотел охотничий зал устроить... И точно – стоит папаша посреди моего охотничьего зала, и глаза уже белые: видать, прошибло его от моих переделок... Я бух – в ноги: счастье, мол, а мы считали погибшим, то-се... Молчит, а глаза белые! Я...

Барон запнулся. Я не мешал ему; горластый и не знающий сомнений, наглый по природе и еще более обнаглевший за последние месяцы, мой приятель – возможно, впервые в жизни – переживал настоящий шок.

– Я, Хорт, трусил, честно говоря... Короче, взял я да и запер. Замок там хороший успели приладить, охотничий зал ведь, трофеи ценные... Папашу запер, Пера – в подвал... еле успел. Через полчаса прислуга проснулась – и ведь чувят, подлецы, неладное. Я им сказал, что Пера уснул с поручением. Не верят! По глазам вижу... Не верят, что барон на рассвете встал и лакею поручение придумал. И отослал – пешком, в одной рубахе. И вокруг зала моего охотничьего так и крутятся... А я – к тебе, Хорт. Быстро думай, что делать, или я тебя, Хорт, этими вот руками задушу...

Он посмотрел на свои маленькие аристократические ладошки. Перевел взгляд на меня, будто прикидывая. Вздохнул сквозь зубы:

– Ну, пойдем... Пошли со мной. Надо что-то делать, Хорт... в долгу не останусь. Слово Ятера. Ты знаешь.

Я молчал.

Он шумно засопел:

– В чем дело?

– Странный народ эти аристократы, – пробормотал я будто бы сам себе. – Зачем тебе второй свидетель? Я, знаешь ли, не желаю всплывать во рву. Не тот характер.

Минуту он смотрел на меня, шевеля губами. Потом переменялся в лице:

– Ты... за кого меня принимаешь, колдун? За отцеубийцу?!

Глядя в его стремительно белеющие глаза, я вдруг понял, что он не играет. Не притворяется; в настоящий момент его действительно ужасает перспектива кровопролития: и это при том, что сам он, не отдавая себе отчета, уже совершил все необходимое для этого решительного поступка!

Правда, его визит ко мне в схему тихого убийства не укладывается.

– Ну что ты, Ил, – сказал я кротно. – У меня и в мыслях не было, ты превратно истолковал...

Некоторое время он смотрел на меня фамильным взглядом Ятеров – белым бешеным взглядом. Потом в глаза его постепенно вернулось осмысленное выражение:

– Ты... не шути так, Хорт.

* * *

«ВОПРОС: Что такое магическое воздействие?»

ОТВЕТ: Это активное направленное воздействие, имеющее целью изменение в окружающей физической среде.

ВОПРОС: какого рода бывают магические воздействия?

ОТВЕТ: Бытовые, боевые, информационные, прочие.

ВОПРОС: Какие виды бытовых магических воздействий вы знаете?

ОТВЕТ: Природно-бытовые (изменения погоды и климата, сельскохозяйственные воздействия), социально-бытовые (изменение внешности своей и окружающих, то есть очленивание; изменение свойств свих и окружающих, то есть оборотничество; изменение психологии своей и окружающих, то есть наведение, сюда же относятся и любовные чары), ремесленно-бытовые (починка либо разрушение одежды, жилища, орудий труда, предметов искусства и быта), предметные (воздействия с имитацией предмета, как-то веревки, топора, факела, палки и тому подобное).

ВОПРОС: Какие виды индивидуальных боевых воздействий вы знаете?

ОТВЕТ: Атакующие, защитные и декоративные. К атакующим относится прямой удар (соответствует удару тупым металлическим предметом в лицо), огненный удар (соответствует направленной струе огня), имитирующий удар (удар с имитацией реального оружия). К защитным относятся общая защита и адресные защиты: от железа, от дерева, от огня, от чужого взгляда и тому подобное. Адресные защиты возможно эффективно комбинировать. К декоративным воздействиям относятся салюты и фейерверки.

ВОПРОС: Какие виды информационных воздействий вы знаете?

ОТВЕТ: Почтовые (позволяют обмениваться информацией на расстоянии, обязательно требуют материального носителя, как то птица, или группа насекомых, или любая поверхность, на которую наносится текст послания), поисковые, следящие, сторожевые, обзорные.

ВОПРОС: Какие виды воздействий предпочтительнее вам, как будущему назначенному магу?

ОТВЕТ: Природно-бытовые и ремесленно-бытовые, а также некоторые виды информационных».

* * *

Ятеры жили богато и привольно, ни в деньгах, ни в развлечениях не стеснясь. Нас с Илом встретил целый выводок слуг – от плешивого согбенного старца до мальчишки лет двенадцати. Ни единого лица я не разглядел – только макушки; в присутствии хозяина двора де Ятеров находилась в непрерывном поклоне.

В гостиной нас встретила жена Ила – замученная хворями блондинка. Ее скудное личико казалось нарисованным на промасленной бумаге – еще чуть-чуть, и сквозь него проступили бы очертания комнаты.

– Господин Хорт зи Табор пожелал осмотреть мою охотничью залу, – с неприязнью сообщил ей барон. – Распорядитесь относительно завтрака, дорогая.

Серые глазки баронессы вдруг наполнились слезами; ни исчезновение Пера, ни суэта в доме, ни взвинченность в голосе супруга не укрылись от нее, а ранний визит «постылого колдуна» – то есть меня – окончательно поверг бедняжку в отчаяние. Но – надо отдать должное

Илу как укротителю жен. Баронесса присела в низком реверансе и, не проронив ни слова, удалилась. Веер в ее руках топорщился перьями и оттого похож был на дохлую птичку.

– Идем, – хрипло сказал Ил.

В баронских покоях стояла плотная, слоями слежавшаяся духота. Расшитый шелком платочек в руках молодого Ятера совсем раскис от пота – барону-самозванцу приходилось ежесекундно промокать лоб.

Ключ от охотничьей залы – размером с ручку упитанного младенца – был, безусловно, шедевром кузнечного искусства. Ятер нервничал. Дверь поддалась не сразу; импульсивный барон даже предпринял попытку взлома, хотя с первого же взгляда было ясно, что выломать эту дверь под силу разве что бочонку с порохом...

Наконец, замок поддался. Ятер в последний раз вытер лоб – сперва мокрым платочком, потом рукавом камзола. Обернулся ко мне; грозному барону было очень страшно в эту минуту, мне даже подумалось, что, откажись засов повиноваться – наследник-самозванец вздохнул бы с облегчением...

Я отстранил Ила с дороги, отодвинул засов и вошел в залу первым.

Да, барон-охотничек очень спешил стереть всякую память о папаше. Почти ничто не напоминало о том, что помещение когда-то служило старику спальней и кабинетом: стена между комнатами была разрушена до основания, мебель вынесена, пол заново покрыт керамическими плитками, а потолок – мозаикой из разных сортов дерева. Стены пестрели гобеленами, как старинными, искусными и радующими взор, так и новыми, изготовленными на скорую руку, вдохновенно-безобразными. Предполагалось, что всякий, впервые вошедший в охотничью залу, замрет, пораженный великолепием охотничьих трофеев (десяток грустных оленьих голов, набитые ватой разновеликие птички и чучело кабана, изготовленное с нарушением технологии, отчего животное казалось в полтора раза крупнее, чем было при жизни), а также завороченный блеском оружия (стойка для копий и рогатин, пара арбалетов на стенах и несколько боевых клинков, к охоте не имеющих никакого отношения).

Я остановился на пороге. Тяжелые шторы на окнах удерживали снаружи свет летнего утра, и потому я не сразу заметил старика – тем более что он одет был во все черное, будто ворон.

За моей спиной шумно сопел наследник-самозванец; скрипнула дверь, запираемая теперь изнутри.

– С добрым утром, батюшка, – сказал Ил до невозможности фальшиво.

Старик не ответил. Лицо его оставалось в тени.

Повисла пауза; я ощутил – впервые с момента, когда Ил де Ятер посвятил меня в эту историю – ощутил холодок и внутреннее неудобство, как будто груди моей коснулась изнутри маленькая когтистая лапка.

Я прекрасно знал нравы семейства де Ятеров – ведь наши предки жили бок о бок вот уже несколько поколений. Я знал в подробностях, каким образом обращался со своей семьей Дол де Ятер – вот этот самый внезапный старец. Одно время мы с Илом дружили очень тесно – я был колдун и сын колдуна, убежденный, что мир существует исключительно для моих надобностей. Ил был наследник знатного рода, красивый и сильный мальчишка, забитый и запуганный до невозможности. Если он внезапно пропадал с моего горизонта – я знал, что отец за какую-то провинность посадил его в чулан, или привязал уздечкой к столу (массивной парте из красного дерева, за которой Илу полагалось ежедневно постигать совершенно бесполезные для него науки), или запер до полусмерти; младшие дети Ятеров – то были в основном девочки – страдали немногим меньше. Целыми днями запертые в душной комнате, они рукодельничали под присмотром строгой наставницы, их даже не выпускали в отхожее место, а ставили один на всех ночной горшок...

Один брат Ила – запамätовал, как его звали – в возрасте двенадцати лет сбежал из дома с бродячим цирком, и больше о нем никто никогда ничего не слышал. Другой вырос тихим молчаливым юношей, с виду вроде бы нормальным, но превыше всех развлечений ставившим наблюдения за струйкой воды из насоса. Он мог смотреть на воду часами и сутками, и лицо у него при этом становилось мягким, будто из воска, и в уголках рта скапливалась слюна... Прислуга втихаря насмеялась над младшим Ятером и приклеила ему кличку «Фонтан».

Теперь, если наследство уйдет от Ила – его суждено получить Фонтану.

...Старик Дол де Ятер стоял посреди залы, и мне почему-то показалось, что он стоит все там же, где его оставил Ил. Что за время, пока сын отсутствовал, он не сделал и шага.

– Батюшка, – сказал Ил, и голос его дрогнул. – Наш сосед, господин зи Табор хотел выразить свою радость по поводу вашего внезапного возвращения.

Старик молчал.

Фамильная черта Ятеров – никогда не терпеть перекура ни в чем – сочеталась в старом бароне с нежной любовью к жене и детям. Эту любовь он без устали провозглашал на пиру и на охоте, открывал знакомым и незнакомым, аристократам и землепашцам. Он искренне считал свою жену красавицей, расхваливал ее перед друзьями и покупал ей дорогие украшения; если же супруге случалось провиниться (не вовремя раскрыть рот либо опоздать, когда барон изволили ждать ее) – следовало неминуемое и решительное наказание. Несчастливая баронесса, мать Ила, не дожила и до сорока – после ее смерти старый Ятер убивался искренне, долго и тяжело.

Все та же фамильная черта Ятеров обнаружилась в Иле сразу после утверждения его главой семьи, и обнаружилась так, что ни чадам, ни домочадцам мало не показалось. Жена его, когда-то румяная и шумная, сократилась до полупрозрачного состояния и низвелась на положение мышки. Дочерей не было ни видно, ни слышно, а единственный сын время от времени проливал горькие слезы, будучи привязан уздечкой к старинной парте красного дерева.

– Батюшка... – пробормотал Ил в третий раз.

Я подошел к окну и осторожно приподнял штору.

Солнечный луч пробился сквозь толчею пылинок, отразился от плитки пола и придал почти живое выражение стеклянным глазам давно поверженного кабана.

Разглядев лицо отца, Ил де Ятер издал невнятный возглас. А я понял наконец, в чем причина невнятного беспокойства, холодным комочком поселившегося у меня внутри.

Закрепив штору золотым шнуром, я снова пересек залу и остановился прямо перед воскресшим бароном.

На меня – сквозь меня! – смотрели белые глаза безо всякого выражения. Да, с перепугу этот взгляд можно было спутать с взглядом, исполненным крайнего бешенства, и я догадываюсь, каково пришлось Илу в первые минуты встречи.

Я поводил рукой перед неподвижным лицом старика. Глаза глядели в одну точку. Зрачки не расширялись и не сокращались.

– Ил, – услышал я собственный спокойный голос. – Можешь звать жену и слуг... а можешь не звать. Укрытая от посторонних глаз каморка, немая сиделка, частая смена белья и постели – вот все, что потребуется тебе для исполнения сыновнего долга.

Дружок моего детства долго молчал, переводя взгляд с моего лица на лицо старого барона. Потом резко отошел в темный угол и опустил голову на руки; непонятно, чего было больше в его позе, горя или облегчения.

Повернув голову, я встретился взглядом с оленьей головой, выставшей, казалось, прямо из стены. По печальной морде путешествовала одинокая моль.

– Где же он был? – глухо спросил молодой Ятер. – Где он был почти два года? Откуда?..

Я разглядывал равнодушного старика, все так же неподвижно стоявшего посреди зала.

Я его не узнавал.

Лет пятнадцать назад это был нестарый добрый сосед, таскавший меня на плечах, обожавший бои на деревянных секирах и по первому требованию демонстрировавший славный фамильный меч, который, бывало, сносил по две-три вражьи головы за один удар. Помнится, я еще удивлялся – почему Илов папа, со мной приветливый и покладистый, так жесток к собственному сыну? И, помнится, приходил к однозначному выводу: потому что я лучше Ила. Умнее, храбрее, вот сосед и жалеет, что туповатый Ил его наследник, а не я...

Было время, когда «дядюшка Дол» казался мне ближе, чем собственный отец. Немудрено – отец в те годы сильно сдал, смерть матери и мои бесконечные детские болезни подкосили его, у него не было ни времени, ни сил на игрища с мечами и палками, а конфеты он полагал вредными для зубов; потом я повзрослел, и дружеская связь с соседом ослабла, а с отцом наоборот – окрепла, однако первым, кто пришел утешить меня после смерти отца, был все-таки дядюшка Дол...

Тогда мне было пятнадцать. Сейчас – двадцать пять; последние десять лет мы совсем не общались. Я знал от Ила, что характер его отца с приходом старости испортился донельзя. Я был посвящен в темную историю с его исчезновением; я тихо радовался, что безумный старик, застывший посреди охотничьего зала, почти не похож на того дядю Дола, которого я когда-то любил.

– Откуда он явился? – с отчаянием повторил молодой Ятер. – А, Хорт?

Усилием воли я отогнал ненужные воспоминания. Темное платье стоящего передо мной старика было неново и нуждалась в чистке – тем не менее он не производил впечатления человека, долго и трудно добиравшегося до родного дома, пешком бредшего через поля и леса. Для верховой же езды его костюм и особенно башмаки не годились вовсе.

– Смотри, Хорт... – прошептал Ятер, но я и так уже заметил.

На шее у старика поблескивала, прячась в складках просторного камзола, цепь из белого металла. На цепи висел кулон – кажется, яшмовый.

– Ты помнишь эту вещь у отца? – спросил я, заранее зная ответ.

– Нет, конечно, он не носил ничего такого, – отозвался Ил с некоторым раздражением. – Не любил цацек. Ни серебра, ни камня – в крайнем случае золото...

Ил протянул руку, желая рассмотреть кулон поближе. Протянул – и отдернул; несмело заглянул старику в лицо. Я понимал его сложные чувства; ему трудно и страшно было осознать, что его отец, столько лет наводивший страх одним своим присутствием, превратился теперь в живую куклу.

Кулон, которого я коснулся до безобразия беспечно, тут же преподнес мне первый неприятный сюрприз.

Вещь была явно магического происхождения.

Из большого куска яшмы неведомый искусник вырезал морду некой злобной зверушки – отвратительную, оскаленную, мутноглазую морду. И присутствие этой морды на груди обезумевшего барона явно имело какой-то скрытый смысл.

* * *

Слуга Пер родился под счастливой звездой – его труп так и не всплыл во рву. Вместо этого Перу повысили жалование, подарили совсем еще новый камзол и посвятили в тайну: отныне верный слуга должен был обслуживать немощного безумца, помещенного в дальнюю комнату. Имя старого барона произносить (или просто вспоминать) запрещалось; слугам и домочадцам было объявлено, что на иждивение к де Ятеру поступил престарелый отец Пера, что он болен заразной болезнью и потому всякий, кто заглянет в комнату или хотя бы прибли-

зится к ней, будет бит плетью и клеймен железом. (Тяжесть обещанного наказания явно не вязалась с придуманной Илом легендой, но барона это совершенно не заботило. Обитатели фамильного гнезда давно были вышколены до полной потери любопытства).

Новая служба Пера продолжалась целых два дня.

На третий день вечером Пер накормил старика ужином (по его словам, он совсем почти наловчился управляться с медной воронкой, и в господина Дола удалось влить изрядную порцию жидкой каши), а, накормив, вышел ненадолго за чистыми простынями. И дверь запер на замок снаружи – относительно этого ему был строгий-престрогий наказ.

Первая ошибка Пера заключалась в том, что он оставил в каморке горящую свечку. Вторая ошибка оказалась фатальной: Пер не повесил ключ на цепочку на шею, как было велено, а просто положил в карман рабочей куртки.

Неудивительно, что безумный старик ненароком опрокинул свечку прямо на тюфяк. Неудивительно, что Пер, явившись к кастелянше, захотел поменять не только бароновы простыни, но и свою залитую кашей куртку.

На этом счастливая звезда Пера закатилась. Потому что взять ключ из кармана куртки он благополучно позабыл.

– Горит! Пожар!!

Все случилось очень быстро.

Тюфяк вспыхнул. Ветхое строение занялось моментально; пока Пер в ужасе ощупывал карманы, пока бежал, спотыкаясь, к кастелянше, пока был над кучей грязного белья, в которую канула его старая куртка – пока слуга производил все эти предсмертные телодвижения, Ил де Ятер пытался сбить с дверей замок.

Не удалось. Сработано было крепко.

Тогда Ятер кинулся к окну; окна в каморке по понятным причинам были забраны крепкими решетками. Огонь охватил уже всю комнату – повиснув на прутьях, будто обезумевшая обезьяна в зверинце, Ил мог видеть, как его отец равнодушно взирает на подбирающиеся к нему языки огня.

Как вспыхивают седые волосы...

Я видел потом эту решетку – человеку не под силу так погнуть толстенные прутья. Ил сделал больше, чем под силу человеку, но на исход дела это не повлияло.

Сбежались слуги, домочадцы, дети. Выстроились цепочкой, передавали ведра из рук в руки. Огонь, по счастью, не успел перекинуться на стоящие рядом строения; дверь в каморку наконец-то выломали, и взглядам предстала выгоревшая комната с черным скрюченным трупом посередине.

Прибежал Пер с ключом. Постоял, поглядел на суматоху...

А потом пошел и потихоньку повесился в бароновом саду, на осине.

* * *

ЗАДАЧА № 58: Назначенный маг третьей степени заговорил клубок шерсти на непожирание молью. Каков диаметр сферы действия заклинания, если известно, что наследственный маг первой степени почуял остаточную силу, находясь на расстоянии трех метров от клубка?

* * *

На другой вечер мы сидели у меня в гостиной за кувшином вина, вернее, за целой батареей кувшинов. Ятер пил, но не пьянел; сам я спиртного избегаю, но из уважения к традициям всегда держу в погребе несколько породистых бочек.

Мы молчали так долго, что ночные светильники под потолком стали понемногу убавлять свет – решили, вероятно, что мы спим либо комната пуста. Единственная свеча на столе подчеркивала мрачность осунувшегося баронового лица, зато в свете ее не видно было ни обгоревших бровей, ни поредевших волос, ни обожженных щек. Я смотрел на Ила – и картина гибели старого барона повторялась перед моими глазами снова и снова, я гнал ее, но она возвращалась опять. Самым печальным было то, что в лице старикашки, равнодушно взирающего на охватившее комнату пламя, явственно проступали черты дядюшки Дола – такого, каким я его помнил, моего старшего друга. И когда пламя, кинувшись на старика, оборачивало его рваным извивающимся коконом – я невольно закрывал глаза, зажмуривался, будто нервная дамочка.

Если бы я оказался рядом – я мог бы его спасти!

...Спаси, но не вернуть разум. Ему предстояло год за годом жить растением в кадке, питаться жидкой кашей через жестяную воронку, ходить под себя...

...Но столь ужасная смерть?!

...Почему я не властен над временем? Почему я не оказался в тот момент – там?

...Милосерднее было бы сразу же его зарезать. Как Ил, собственно, и собирался сделать...

Я вздрогнул. С подозрением уставился на сидящего напротив молодого барона; да уж. Вернись Ятер-старший в полном здравии – Ил недогнувшей рукой перерезал бы папаше горло. Но теперь – теперь мой приятель жестоко страдал. Сыновние чувства, все эти годы тлевшие под коркой застарелой ненависти, были извлечены наружу; они были бледненькие, неубедительные и как бы битые молью, Ил стыдился их – сам перед собой. Уж лучше чистая ненависть, чем такая любовь.

– Они, – светильники, отрезвленные звуком баронова голоса, вспыхнули на полную мощность, яркий свет заставил моего собеседника поморщиться. – Они... их уже не остановить... языки вырезать, что ли... болтают. А когда молчат – думают... Что это я свел батюшку в могилу. Собственного отца погубил! И Пер, скотина такая, свидетель мой единственный... Скотина, удавился! Уже болтают, что я батюшку два года в камере держал... Уже болтают... И – верят!

– Что тебе за дело до грязных языков, – спросил я устало. – Хочешь, я разом позатыкаю все эти рты?

– Не-е-е, – Ил тяжело замотал головой. – Так не пойдет, колдун... Так не будет. Рты затыкать... это я сам могу, безо всякого колдовства. А надо батюшкиного убийцу... Кто его похитил, кто его разума лишил... тот и убийца. Надо найти. А Пер, дурень, поспешил – я его, может, потом сам замучил бы... но ведь это потом... Он много знать мог, вспомнить что-то, этот Пер, ведь тогда с батюшкой вместе был, помнишь, когда его эта девка свела... Эта сучка, чтоб ей жабой подавиться... Помнишь ведь?

Я вздохнул.

...Развязная особа постучала в ворота поздним вечером, в дождь, и назвалась жертвой разбойников. По ее словам, негодяи похитили у нее карету, убили кучера и слуг, поживились сундуком с семейными драгоценностями – а драгоценностей было немало, потому что и семью она назвала известную, знатную семью из Южной Столицы.

На тот момент в округе не было ни одной серьезной разбойничьей шайки. Девушка не смогла указать места, где лежат трупы несчастных слуг (темно было, незнакомые места, ночь, шок); короче говоря, авантюристку в ней заподозрили сразу все – кроме старого Дола де Ятера.

Тот, вопреки обыкновению, отнесся к девициной истории очень серьезно. Более того – ни с того ни с сего пожелал несчастную девушку утешить; в первую же ночь она пробралась к старику в постель. И старик расцвел, потому что собственная жена его давно была сведена в могилу, а прочие женщины, делившие с ним ложе, бывали либо продажны, либо насмерть перепуганы.

Уже на следующий день пришельцу ненавидели все – начиная от наследника Ила, которому мерещился претендующий на его права младенец, и заканчивая кухонным мальчишкой. Она вела себя, как хозяйка. Она откровенно издевалась над шипящими ей вслед бароновыми дочками. Она провоцировала Ила на грубость – а потом жаловалась на него старому Ятеру; жизнь семейства, и без того несладкая, медленно превращалась в ад. Барон объявил о своей предстоящей женитьбе – вразумить его и в лучшие-то времена никто не мог, а теперь старик и вовсе рехнулся. Ил в отчаянии приходил ко мне, обиняками расспрашивал о ядах, их свойствах и способе применения. Разумеется, все разговоры носили отвлеченный характер, однако скоро старик завел новый порядок приема пищи: ни сам он, ни его красотка ничего не брали в рот прежде, чем кто-нибудь из слуг не снимал с блюда пробу...

Наконец, старый Ятер сообщил о своем желании встретиться с родичами своей избранницы. Собрана была карета для поездки в Южную Столицу; жених и невеста отбыли, прихватив с собой несколько сундуков добра, в том числе семейные драгоценности, и не мифические, как у девицы, а самые настоящие.

Спустя неделю после отъезда влюбленных в замок вернулся посланный с бароном слуга (тот самый Пер). По его словам, барон совершенно сошел с ума, швырял тяжелыми предметами и требовал убраться с глаз долой. Перепуганная прислуга ретировалась – лучше потерять место, нежели лишиться жизни. В замок Пер вернулся один – из-за жены; прочие (кучер, повар, камеристка и два лакея) решили поискать счастья где-нибудь подальше от милостей господина Дола.

Время шло. Через месяц я посоветовал Илу осторожно поинтересоваться: а где, собственно?..

Справки, наведенные через городскую префектуру (почтовые голуби, летающие туда-сюда) подтвердили самую смелую догадку. В Южную Столицу влюбленные не прибывали, более того, тамошнее уважаемое семейство знать не знало ни о каких странствующих ограбленных девицах. Бедным голубям приходилось носить весьма холодные, даже жесткие послания – кому же приятно узнать об авантюристе, использующем для своих делишек твое незапятнанное имя?!

Прошло два месяца со дня баронова отъезда; Ил пришел за помощью ко мне. Помнится, тогда я здорово потратился на разнообразные поисковые процедуры – распустил по дальним окрестностям *побегаек* и *язычников*, вопрошал принесенные Илом стариковы вещи – все без толку; чтобы не уронить свой авторитет в глазах молодого Ятера, пришлось соврать, что отец его обзавелся дорогим оберегом от магического глаза. Ил еще, помнится, спросил, сколько стоит такой оберег. Я назвал цену «от свечи» – такую несусветно громадную, что Ил мне сразу поверил...

Тогда молодой барон назначил награду за любые сведения о своем отце. Нашлись желающие приврать и получить денежки задаром: таких гнали от ворот кнутом. Подлинных сведений не мог предоставить никто: старого Ятера с молодой невестой будто драконом слизало.

Через полгода Ил вступил в права наследника. Еще через четырнадцать месяцев старый барон постучал в ворота собственного замка, и его встретил ошалевший Пер...

Боком им вылезла эта встреча. Обоим.

– Девка, – повторил я задумчиво. – Как ее звали?

Ил де Ятер поморщился:

– Эфа.

– Эфа, – повторил я, припоминая. – Красивое имя... Ее искали, Ил. И не нашли. Теперь, спустя почти два года – и подавно...

Ятер набычился. Вытащил из кармана и положил передо мной на стол яшмовый кулон; хищная мутноглазая морда была покрыта черной копотью и почти неразличима, но я-то помнил отлично каждую ее черточку, что-что, а память у меня профессиональная...

На мгновение мутноглазая морда уплыла в сторону, а на ее месте проступило беспомощное старческое лицо – дядя Дол, только много лет спустя. Как ты изменился, мой добрый дядюшка...

Некоторое время я подбирал слова. Надо было сказать коротко и убедительно – при том, что я отлично знал, как нелегко убеждать в чем-либо баронов Ятеров. Тем более в такой ситуации.

Хорошо бы вообще отложить разговор на потом. Пусть он забудет эту картину – сгорающий на его глазах отец. У Ила крепкая натура и здоровые нервы...

...А я, интересно, когда-нибудь от этого избавлюсь? От запаха паленого мяса, такого реального, что впору заткнуть ноздри?

– Да, – сказал я, глядя на покрытый копотью кулон. – Мне все-таки думается, что, хоть злые языки и не страшны тебе – надо бы их на всякий случай поукорачивать. Давай завтра, перед похоронами, я потихонечку твоих слуг...

– Это мое дело, – сказал Ил непозволительно резко, почти грубо. – Я к тебе... я с тобой о другом. Что ты скажешь об этой вещи?

Я поморщился, решив на этот раз пропустить его резкость мимо ушей.

– Видишь ли, Ил. Эта вещь... произведена крупным магом. Она несет в себе отсвет чужой силы, чужой воли...

В камушке было что-то еще, я сам не понимал, что это такое, но Илу в своей некомпетентности признаваться не спешил.

– Я так и думал, – сказал Ил с отвращением. – Что это колдуновская игрушка...

– Думаю, он уже не опасен, – сказал я мягко. – Он теперь так и будет... бессильно скалиться. Что ты еще хотел узнать?

– Отца заманили в ловушку какие-то колдуны, – сказал Ил свистящим шепотом. – Я знал, Хорт, я чувствовал...

В голосе его была настоящая боль.

– Какой ты непоследовательный... – пробормотал я.

– Что?

– Нет, ничего, извини... Ил, успокойся, пожалуйста. Ты до конца выполнял свой сыновний долг, не ты виноват, изменить уже ничего нельзя...

– Молчи! – рявкнул Ятер, и светильники под потолком полыхнули нестерпимым белым светом. – Ты... да заткни эти свои плоскости, невозможно же разговаривать!

Я щелкнул пальцами, веля светильникам пригаснуть и не реагировать более на звуки. Ил, распаляясь все больше, продолжал:

– Какая-то жаба заманила батюшку в ловушку... Какая-то колдуновская дрянь, прости, Хорт, но какая-то колдуновская сволочь лишила батюшку рассудка, да еще, издеваясь, цапку навесила... Огонь этот... Сам ли Пер оплошал, сам ли батюшка свечку опрокинул, или это они, глумясь, все так устроили, чтобы я...

Он замолчал и посмотрел на свои ладони. Страшненькие были руки – после того, как довелось гнуть раскаленные прутья решетки.

– Ил... – начал я примиряюще. – Подумай. Кто – *они*? С девкой он уехал, авантюристка его обманула, обокрала, зельем опоила... и бросила. Случаются такие дела, сам знаешь...

– И это, – кулак грохнулся на стол рядом с кулоном, – это тоже девка ему навесила? А?

Я пожал плечами:

– Мало ли. Может, и девка.

– Ты же сказал – здоровый колдун это сделал.

– Я сказал – крупный маг...

Глаза Ятера свирепо сузились:

– Ты сказал... Юлишь. Крутишь. А я этого дела так не оставлю. Если ты, колдун, сейчас откажешься... видит жаба, я другого найду. В столицу поеду, золотом заплачу, но этого дела так не оставлю и хозяина этой цапки найду! Слышишь?!

Он накручивал себя, намерено злил. Он сам себя убеждал, что страшная кончина отца вызывает у него сыновний гнев и желание отомстить; на самом деле уже завтра ночью он будет крепко спать, и заживо сгорающий безумный старик не приснится ему.

Приснится – мне.

– Дело твое, – пробормотал я, отворачиваясь. – Иди, ищи... Но никто не возьмется разыскивать человека, который производит такие кулоны. Это небезопасно, извини.

Сделалось тихо. Светильники, не смея реагировать на тишину, горели все так же ровно; кабанья морда из темной яшмы скалилась на столе, в окружении винных потеков, мне зачем-то вспомнились заляпанные кровью осенние листья, умирающий на рыхлой земле вепрь...

Тот самый, чье чучело пылится теперь в охотничьей зале Ятеров, тот самый, что скоро станет добычей моли.

– Хорт, – сказал Ятер, когда молчание стало совсем уж тягостным. – Хорт... Помнишь, как я тебя из колодца тащил?

Я поморщился.

...Нам было лет по тринадцать, отец Ила пребывал в отъезде, а потому нам удалось удрать на ночную рыбалку. Ни до какой рыбы дело, разумеется, не дошло – мы всю ночь купались, жарили мясо на вертеле, пили пиво и дурачились, а под утро я разродился фейерверком.

В окрестных селах до сих пор живы легенды об этом зрелище. Я выложился весь – запустил в небо все мое представление о свободе, силе и красоте; я ужасно гордился тем, что вышло, и жалел только, что этого не видит отец. Ил был потрясен моим искусством до глубины души – его наивная радость так рассмешила меня, что последний уголек я запустил баронету в штаны.

...Мы рассорились на всю жизнь. Со слезами на глазах Ил обзывал меня скотиной, самолюбленным поганим колдуненком; я пожал плечами и, насвистывая, пошел домой.

По дороге мне встретился колодец.

Наверное, сама судьба отомстила мне. Потому что когда, вопя на все голоса и наслаждаясь эхом, я наклонился над срубом особенно сильно – ноги мои соскользнули с влажного от росы камня, и я кувыркнулся в черную бездну.

Эхо подхватило теперь уже нешуточный вопль.

Упал я относительно удачно – по крайней мере, шею не сломал и сознания не утратил, а значит, и оптимизма не потерял. При мне были мои заклинания – я мог сдернуть цепь, закрепленную на воротах, мог подняться, как муха, по отвесной стене, мог, в случае неудачи, призвать людей себе на помощь...

Вот тут мне аукнулся фейерверк. Оказалось, что сил, необходимых для даже для самого слабого заклинания, у меня не осталось.

И вот когда я понял это – наступила одна из главных минут моей жизни. Жизни наследственного мага тринадцати лет, баловня судьбы, убежденного, что мир существует только для него.

Холод. Темнота. Ужас смерти.

Мне предстояло барахтаться в ледяной воде, пока какая-нибудь ранняя хозяйшюшка не соберется набрать водицы, а до этого, по самым оптимистичным расчетам, оставалось часа три; тем временем начались судороги. Плавал я изрядно, но холодная глубина колодца, казалось, засасывала меня, а ухватиться за склизкие стенки не было возможности – руки срывались, ногти обламывались. Охваченный болью и паникой, я принялся вопить что есть мочи – орать, надсаживая горло, из последних сил звать на помощь, и мои крики то и дело переходили в бульканье...

Кто меня услышал? Конечно, Ил де Ятер, тринадцатилетний Ил, которому я полчаса назад подпустил огоньку в штаны.

Когда я увидел человеческое лицо над собой – моя радость была столь же неистова, как и сокрушительно было последовавшее за тем разочарование. Я узнал недавнего друга; я ждал, что он скажет ехидным голосом: что, допрыгался, колдуненок? Ты побарахтайся, а я посмотрю, как ты тонешь, ладно?

Я *знал*, что он что-то подобное скажет. Потому что *сам* на его месте сказал бы именно так.

– Сейчас, – хрипло сказал Ил, над которым я и до этого издевался часто и с удовольствием. – Держись, только держись, я цепь сброшу...

Я тонул.

Цепь упала рядом – но я не мог уже подтянуться. Все, что я мог – схватиться за нее зубами, оставив ноздри над водой.

– Я спускаюсь... Я спускаюсь, Хорт...

Ржавая цепь не была приспособлена для того, чтобы выдерживать вес упитанного тринадцатилетнего подростка, каким был молодой Ятер. Тяжелое дыхание моего друга заполнило собой колодец; на меня стали падать комочки глины с его ботинок.

Металл был соленый, с привкусом крови. Этот привкус я запомнил на всю жизнь.

Ил окунулся в воду рядом со мной. Его пояс врезался мне в подмышки; привязав меня, Ил стал подниматься, теперь на меня падали холодные капли, и тяжелое дыхание то и дело срывалось в приглушенный стон...

Потом цепь перестала дергаться, и завизжал ворот. Ил был сильным мальчиком, а я, по счастью, был тощ. Ему удалось вытащить мое окоченевшее размокшее тело.

Все это я помнил уже урывками.

Фонарь в его руках. Лицо, освещенное этим фонарем, окровавленные ладони, испуганные, участливые глаза:

– Ты живой?..

Те же самые глаза смотрели сейчас с лица молодого самодура, грозного барона Ятера:

– Помнишь?

– Помню, – сказал я, откидываясь на спинку кресла.

...Говорят, в некоторых семьях до сих пор чтят Закон Весов. То есть дикарскую традицию прежних времен – когда человек, чью жизнь спасли, шел ко спасителю едва ли не в рабство, покуда не представится возможность поквитаться... Странно жили наши предки. И удивительно, что, подчиняясь столь глупым традициям, они не только выжили, но и потомков наплодили... Это что же получается – с тринадцати лет я, наследственный внестепенной, оказался бы должником какого-то провинциального барончика?

– Я все помню, Ил...

Свиристельное лицо моего собеседника сделалось по-собачьи просящим:

– Ну?..

– Я все помню... Но я не возьмусь. Извини.

Бешеный белый взгляд был мне ответом.

* * *

ЗАДАЧА № 69: Маг первой степени отправляет послание на расстояние 1000 км. На какое расстояние отправит такое же послание маг второй степени, при условии что энергозатраты обоих на почтовое заклинание одинаковы?

* * *

Вот уже два года прошло с тех пор, как я отпустил последнего слугу – дом, двор и огород обслуживали меня без посторонней помощи. Сложную систему заклинаний наложил по моему заказу один очень хороший назначенный маг – не потому, что я не справился, а потому, что бытовыми проблемами должен заниматься специалист; таким образом я избавлен был от необходимости самостоятельно стаскивать сапоги – и в то же время получил возможность проводить жизнь в благородном одиночестве.

Часа два после ухода Ятера я сидел в гостиной, играл светильниками, имитируя фейерверк, и пил холодную воду.

Терять друзей неприятно. Даже когда они не друзья давно, а просто хорошие знакомые, и даже если прекрасно понимаешь, что иного выхода нет. Я не мог не отказать Илу, но вряд ли молодой самодур когда-нибудь поймет мою правоту.

Это здесь, в провинции, я исполняю функцию великого и ужасного, и округа трепещет при звуке моего имени. Правильно трепещет; мир же – как мы знаем из географии – широк, в мире водится много всякого... не будем упоминать ночью, и требовать от меня, чтобы я лез с рогатиной в чужое гнездо – глупо, я же не самоистязатель.

Уходя, Ил отпустил едкое замечание по поводу моих магических способностей. Он походил при этом на развратную бабу, которая всякое целомудрие принимает за мужскую несостоятельность...

Около четырех часов утра я собрался, наконец, спать. Поднялся наверх, но по дороге в спальню забрел еще и в кабинет – и, как выяснилось, не случайно.

Стекло дрожало. В окно били будто мокрой тряпкой. Множеством тряпок – тяжелых, настойчивых; я не сразу понял, в чем дело, а поняв, поспешил распахнуть и окно, и шторы. Как долго они уже бьются?!

Ночные бабочки. Их влетело сотен пять, не меньше; светильник, который я поставил на стол, сразу же перестал быть виден, так облепили его черные бархатные крылья.

Запахло паленым. Я шарил в ящике стола, отыскивая записную книжку; шурясь, прочитал заковыристое почтовое заклинание, которое до сих пор не удосужился выучить на память, – может, лень тому причиной, а может, инстинктивная нелюбовь наследственного мага к выдумкам назначенных.

Бабочки, в одночасье потеряв интерес к жизни, опали на пол, как осенние листья. Я закашлялся от взметнувшейся в воздух пылицы; черные тела устилали ковер, да не просто устилали, а вязью. Складываясь в текст сообщения.

Я обошел комнату – вдоль стены, чтобы не наступить на текст. Заново зажег светильник, и еще один, под потолком. Вернулся к столу. Взял бумагу, обмакнул в чернильницу перо, готовый сперва переписать сообщение, а потом уже разбираться.

«Высокочитимый наследственный маг Хорт зи Табор! Закрытый Клуб Кары сообщает вам, что на последнем розыгрыше одноразовых заклинаний на ваше имя выпал выигрыш. Вы получили право на однократное использование Корневого Заклинания Кары... Для получения приза вам надлежит прибыть в правление Клуба не позже первого сентября. С собой иметь членский билет с отметкой об уплате взносов.

Поздравляем!

Счетная комиссия»

* * *

«...Вы собрались в Северную Столицу впервые за последние десять лет, а может быть, впервые в жизни. Вы в растерянности: как подготовиться к поездке, что положить в дорожный сундук, как вести себя, чтобы не показаться дремучим провинциалом?

Успокойтесь. Северную Столицу ежедневно посещают сотни приезжих магов, у всех у них возникают схожие проблемы, и почти все их успешно решают. Прислушайтесь к нашим рекомендациям – и ничего не бойтесь!

Во-первых, документы. Если вы член какого-либо магического клуба – возьмите с собой членский билет. Если вы назначенный маг – возьмите свидетельство о вашем назначении и присвоении магической степени. Если вы наследственный маг – возьмите любую игральную карту и на лицевой стороне ее напишите кровью собственное имя (красные чернила тоже подойдут, все равно для вас, наследственный, любой документ – пустая формальность).

Если на улицах города вас попросят предъявить документы – ни в коем случае не тушуйтесь и не смущайтесь, а также не оскорбляйтесь и не злитесь. Не надо изрыгать пламя или обращать стражников в свиней – люди на службе, против вас они ничего не имеют и, изучив ваши документы, скорее всего вежливо пожелают вам удачи во всех начинаниях. Если же вы станете чинить им препятствия, они, конечно, не сумеют удержать вас, однако в тот же день вам придется в спешке покинуть Северную Столицу, чтобы не встретиться лицом к лицу с королевскими магами на службе порядка. Чем мощнее власть, тем более мощные маги ей служат, а власть короля Ибрина в столице все еще считается очень крепкой...

(Если вы консерватор и всякую службу считаете унижительной для мага – просто примите к сведению, что в наши дни не все придерживаются традиционной точки зрения).

Вернемся к нашим сборам. Документы готовы; позаботьтесь об одежде. Не стоит тащить с собой в столицу весь свой гардероб, однако кое-какие необходимые вещи просто обязаны найти место в вашем сундучке.

Неприменно возьмите два черных плаща до пят: один бархатный – для торжественных случаев, другой кожаный – на случай непогоды. Накладные серебряные (золотые) звезды для плаща и для шляпы (если вы захотите вступить в клуб, без серебряных звезд вам не сделать и шага). Побольше непротирающихся штанов и заговоренных от пота белых рубашек; теплые белье и пижама с начесом – в столице постоянно дуют сырые ветра, а в гостиницах не утихают сквозняки... Впрочем, если вы путешествуете летом, белье надо брать тонкое, а шляпу – светлую, с широкими полями.

Заранее закажите по почте карту столицы. Выучите названия центральных улиц и основных площадей, а также их расположение; заранее прикиньте, в какой гостинице вам хотелось бы остановиться. Запомните: нет ничего более жалкого, чем маг, беспомощно вертящий головой посреди перекрестка.

Захватите с собой так много денег, как только можете. Северная Столица не любит бедняков.»

* * *

В Клуб Кары лет двадцать назад вступил мой отец. Какая-то была невнятная история; незлобивый и в общем-то смирный, батюшка вдруг страшно захотел воспользоваться заклинанием Кары, и не каким-нибудь производным, а именно Корневым. Подозреваю, это как-то было связано с плохим настроением матери; подозреваю, что отец ревновал, и точно знаю, что ревновал совершенно напрасно. Тем не менее, вступительный взнос – немалый! – был заплачен, и отец не стал выходить из клуба, когда его темные страсти угомонились. Наоборот – в разговоре со знакомыми стоило помянуть, что «на последнем розыгрыше в Клубе Кары...», как все лица принимали преувеличенно внимательное выражение.

Потом оказалось, что проще укунить свой локоть, чем реально выиграть Заклинание. Отец с горечью говорил, что учредители клуба – мошенники, что они обирают рядовых членов, что заклинание Кары – как вязанка с сеном под носом глупого осла: он тянется, идет, а вязанка удаляется... Тем не менее уже уплаченных денег было жалко. Отец перестал бывать на розыгрышах, но взносы продолжал платить; после его смерти я унаследовал членский билет и тоже заплатил, помню, за несколько лет...

Милосердная сова, а за сколько же лет у меня не плачено?! Предстоят траты, да какие!..

Я забивал себе голову всякой ерундой, рылся в сундуках, пытаюсь отыскать парадный костюм, черный с золотом плащ и подобающую случаю шляпу. Я ходил по дому с бессмысленной улыбкой, а внутри меня все натягивалась и натягивалась сладкая струна.

Заклинание Кары!..

Я понятия не имел, кого и за что собираюсь карать. Но Корневое заклинание! То самое, обладание которым – пусть временное! – дарит настоящее всемогущество. Я, провинциальный маг, – все-мо-гу...

Наконец, струна натянулась до предела. Бросив сундуки раскрытыми и вещи разбросанными, я вышел на крыльцо и потянул носом воздух.

Светало. Слишком поздний час для настоящих походов – но я знал, что не дотерплю до вечера.

Я огляделся. Быстрое привычное заклинание, земля кинулась ко мне навстречу, я удобно опустился на четыре лапы и повертел, осваиваясь, хвостом.

Скользнул в дыру в заборе.

Черным ручейком сбежал с горы – туда, где еще спала в предрассветной мути ближайшая деревня.

Да, засуха. Пробираясь огородами, я заметил, как пожухла ботва.

В курятнике было тихо. Прежние дыры в стенках были тщательно заделаны; это вы зря, мужички. Не бывает курятников совсем без дыр...

Через минуту мой рот уже был залит кровью и залеплен перьями. Глупые куры не успевали проснуться; прежде чем забрехала первая собака, я перегрыз с полдесятка глоток. Пьяный от счастья, волоча за собой тушку молоденького петушка, я сунулся обратно в дыру; добычу пришлось тут же бросить. Поражаясь глупости собак, я скользнул в жухлые заросли за сараем, и сделал крюк, и подобрался к селу снова – с другого конца. И все повторилось; я ушел только тогда, когда запахло дымом, собаки одурели и тонкий голос, почти девчоночий, запричитал с подвываниями на все село:

– Хорек! Ой, люди, опять хорек!

Через поле я взбежал на горку, к себе. Долго терся боком о порог; потом поднялся на две ноги, и пошатываясь, совершенно счастливый, побрел в спальню.

Поднималось солнце.

* * *

Они явились, наверное, всем селом. Хмурые. Испуганные. Злые. Сдохлыми курами наперевес; кур было, как мне показалось, штук пятьдесят.

Затопили собой все пространство перед воротами; за калитку прошла делегация во главе с комиссаром, назначенным магом третьей степени (на самом деле четвертой).

Никто ничего не говорил. Все смотрели на меня. Тяжело. Укоризненно. То на меня, то на перышки, невесть как прилипшие к моему крыльцу. Рыженькие и беленькие перышки в бурых пятнышках.

Хорошо, что я успел, поднявшись с кровати, умыться. Очистить от запекшейся крови свой бесстыдно улыбающийся рот.

Вот и теперь – они глядят на меня с яростью и отчаянием, а я едва сдерживаюсь, чтобы ухмыльнуться.

Смотрю на них. Смотрю на чистое, без единого облачка, небо.

– Ну, что глядите?

Молчание.

Я морщусь с фальшивой неохотой:

– Ступайте по домам. Помните мою доброту... Сделаю.

Они молчат, не верят.

– Сделаю! – кричу я магу третьей степени, на самом деле четвертой. – Сделаю, так и быть! Век будете помнить милость Хорта зи Табора!

Разворачиваюсь и иду в дом.

А через полчаса на растрескавшуюся землю падает дождь.

Миллион лет назад (начало цитаты)

* * *

Свободных квартир было много, бабушки с картонными плакатами прямо-таки кидались на новоприбывших, обещая им все удобства за смешную плату; Стас оставил Юлю с Аликом на лавочке в окружении чемоданов, а сам пошел выбирать квартиру, и выбрал часа через три. Вернулся довольный и деловитый, в сопровождении энергичной тетки-маклерши; маклерша рвалась помогать, попыталась отобрать у Алика его рюкзачок – но сын отстоял свое право мужчины таскать тяжести, и тогда маклерша подхватила полиэтиленовый кулек с кружками, кипятивником и остатками дорожной еды.

Топали минут пятнадцать.

Узкая улочка серпантинном вилась в гору – в полдень солнце затопило ее всю, и маленькие тени под заборами полностью оккупировались отдыхающими собаками. Рядом была почта, и совсем рядом – пять минут крутого спуска – обнаружился вход в парк.

Квартирка, похоже, много лет стояла без хозяина. Тем лучше, сказала тетка-маклерша. Не станут докучать хозяева, проситься на кухню борщ сварить, проситься в ванну душ принять... Хотя какой здесь душ. Воду в чайнике греешь – и в лейку; впрочем, зачем вам душ, вы вроде на море приехали?

В самом-то деле...

Алику, кажется, понравилось. Он тут же познакомился с соседскими мальчишками, и уже спустя полчаса Юля могла видеть, как ее сын скатывается с крутого склона на чем-то самокате – с подшипниками вместо колес. Плодовые деревья, растущие в соседнем дворе, оказались семилетнему мальчику по колено – вот какой крутая была улица; совсем рядом – кажется, только протяни руку – подмигивали с веток абрикосы, сливы, яблоки.

Юля отошла от окна, постояла над раскрытым чемоданом. Квартирка не нравилась – здесь пахло не то кладовкой, не то скверной гостиницей; даже чистая постель, будучи извлечена из постельной тумбы, показалась очень уж чужой.

– Где бы ты хотела поужинать? – спросил Стас.

Она не знала. Она вообще не хотела ужинать. Она так устала – длинная дорога, жара, ожидание – что с удовольствием упала бы на койку и закрыла глаза хоть на час...

– Давай устроим праздничный ужин, – сказал Стас. – Отыщем ресторан поприличнее...

Она через силу улыбнулась.

Стас был спокоен и уверен в себе. Он свой долг выполнил – городок за окнами, квартира – вот она, и даже не очень дорого. Хозяина мы не увидим три недели, кастрюли на плите, чайник электрический, окна выходят на восток, и, если хорошенько высунуться, можно даже увидеть краешек моря.

– Устала?

За окном вопили мальчишки. Кто-то уже ревел – не Алик, слава Богу, не Алик; Юля рванулась к окну, но Стас удержал ее:

– Сами разберутся...

Поймал ее за руку. Притянул к себе; от Стаса пахло домом. Блаженствуя в этом запахе, Юля прижалась лицом к твердому, надежному, обтянутому чистой футболкой плечу. Усталость осела, как подтаявший снеговик.

– Позови мелкого... Его тоже надо переодеть...

– Алик! – Юле неудобно было кричать на всю улицу, поэтому крик вышел ни туда не сюда – не нахальный, но и не деликатный. – Ужинать идем!

Они нашли кафе – обыкновенное, каких много. Из динамика лился паточный попсовый поток – «люблю-не люблю, любишь-не любишь»; в маленьком фонтане зачем-то мокли пластмассовые цветы. Юля тут же и навсегда забыла, что они ели и какое вино пили – из-за усталости весь ужин казался ей смазанным, будто небрежный отпечаток пальца на мутном стекле...

Только в парке – после ужина они отправились прогуляться – она пришла наконец в себя. Только в парке смогла наконец обрадоваться; на вечернем небе темнели глыбы магнолий, лежало под звездами неподвижное озеро, по которому парой призраков скользили молчаливые лебеди. В железной клетке содержалось несчастное дерево араукария; фонари не горели, но страха не было. По темным аллеям бродили счастливые, иногда подвыпившие люди с фонариками, и перед каждой компанией гуляющих ползло по земле белое пятно света...

В темноте Алик нашел светлячка. Долго любовался теплым огоньком на ладони, рассуждал, как возьмет светлячка с собой, в город, и покажет в школе ребятам; потом, желая рассмотреть букашку получше, навел на нее луч своего фонаря – и после секундного замешательства поспешил отнести светлячка в кусты. Еще и руку долго вытирал о штаны; Юля смеялась. Надо же, такой милый огонек в темноте – и такая противная таракашка при свете...

Потом они вернулись в съемную квартирку, уложили Алика и долго стояли на балконе, слушая отдаленный шум моря, положив головы друг другу на плечи, как лошади.

* * *

Юля провела пальцем по бороздке ключа – он здесь вставлялся в замок по-странному, вверх ногами – и с третьей попытки отперла лысую, не обитую дерматином дверь.

Они отправились на пляж – а защитный крем забыли. И вспомнив об этом, Юля метнулась обратно, оставив Стаса и Алика медленно спускаться по крутой каменистой лестнице...

После свежего воздуха запах маленькой квартирки снова неприятно поразил ее.

Она нашла крем – на самом дне чемодана, как нарочно.

На секунду задержалась, чтобы глянуть на себя в зеркало. Такая примета – если приходится возвращаться, посмотри на свое отражение, и неудача минует тебя...

Не понравилась себе. Озабоченное (вроде бы отдыхать приехали?) бледное лицо под козырьком дешевой пляжной кепки. Зеркало в прихожей тоже было своеобразное – тусклое, овальное, в древней латунной рамочке.

Юля усмехнулась через силу. Вот еще, зеркало ей не нравится... Они приехали в самый лучший на земле уголок, они живут рядом с морем – а ей не нравится зеркало!

И, с третьей попытки заперев дверь, она ринулась догонять Стаса и Алика, а те ушли уже достаточно далеко, и запыхавшейся Юле не раз и не два приходилось спрашивать у загорелых прохожих дорогу к городскому пляжу...

У входа на пляж сидел, торгуя тремя лакированными шишками, чинный старичок в белой панаме.

Пляж оказался маленьким, людным, не очень чистым, в неудобной крупной гальке; Алик, хромая, добрался до воды, плюхнулся – и с воплем вылетел на берег: сразу же за линией прибоя сизым фронтом стояли медузы.

Юля кое-как нашла свободное местечко, расстелила подстилку, но основание пляжного зонтика никак не желало втыкаться в камни – с таким же успехом можно было бы долбить асфальт. Молча подошел Стас; налег, округляя мышцы – стальная ножка со страшным скрежетом провалилась вниз и утвердилась в камнях. До первого порыва ветра, как показалось Юле.

Так же молча она раскрыла зонт. Маленькая тень в форме эллипса накрыла подстилку; Юля села, подобрав колени к подбородку, а рядом уселся Стас.

– Ну, что ты хмуришься? – спросил устало. – Что тебе не нравится?

– Медузы, – со вздохом призналась Юля.

– Ничего, не последний же день... Завтра они уйдут.

Сказал уверенно, так, будто сам обладал властью насыщать и отзывать медузью армию. Вытряхнул из пляжной сумки матрас. Уселся надувать его; глядя, как округляются дряблые зеленые бока, Юля вдруг успокоилась. Все бытовые неурядицы, людной пляж, сиреневые студенистые тела – мелочи, совершеннейшие мелочи в сравнении с летом, с морем, с отпуском, которого ждали целый год, до которого считали дни...

Сидя под линиялым зонтом, Юля смотрела, как Стас высаживает Алика на матрас у самого берега. Как Алик подбирает ноги, опасаясь медуз; как Стас мужественно входит в воду по пояс, по грудь, отталкивается и плывет в медузьем бульоне, Алик ежится на матрасе и взволнованно вопит... И вот уже фронт прорван, матрас покачивается на чистых волнах, Стас плавает вокруг с видом голодной пираньи, Алик вопит теперь уже восторженно и сигает с матраса в воду, а толстая тетка на подстилке по соседству мрачно косится на Юлю. Как можно ребенка отпускать на глубокое, да еще с отцом, читается в ее неодобрительном взгляде; Стас машет Юле рукой, Алик, отфыркиваясь, машет тоже, Юля машет в ответ...

Медузы ушли спустя два дня – просто потому, что море вдруг остыло до плюс двенадцати градусов.

В одночасье появилось много времени – потому что сидеть на пляже, не купаясь, Стас категорически отказался, и Алик поддержал его, да и Юле торчать под зонтом порядком надоело – и вот, перекусив очередными сосисками в очередной забегаловке, они пошли исследовать парк.

Старушка с красной повязкой на рукаве сидела под необъятным платаном – следила за порядком, торговала все теми же неизменными лакированными шишками. Циркулировали, как вода, экскурсанты; когда очередная волна их откатывалась к автобусам, можно было спокойно побродить по аллеям, полянам, тенистым или солнечным дорожкам.

Одиноким лебедь шипел на собаку – собака зачем-то огибала озеро, лебедь преследовал ее, вытянув шею, и шипел, как кот.

Мальчишки шестом вылавливали монетки из черной и прозрачной, как серебряное зеркало, воды. На одном конце шеста крепился магнит, на другом – комочек жвачки; денежки, неподвластные магниту, ловили на жвачку или вытаскивали сачком. Алик наблюдал зачарованно – но ему «порыбачить» не позволили. Да тут еще тетка-экскурсовод закричала с противоположного берега, заругалась, возмущенная хулиганской мальчишечьей деятельностью...

Стас без конца фотографировал – Алика с лебедем, Юлю с двумя лебедями, Алика под платаном, Алика под водопадом, Юлю над водопадом, на фоне гор, на фоне дворца, еще на каком-то фоне; иногда Юля принимала из его рук фотоаппарат, он был теплый. Она ловила в видеоискатель оба улыбающиеся лица – мужа и сына – и всякий раз заново удивлялась их сходству. Алик был уменьшенной копией Стаса...

Куда забавнее, чем щелкать фотоаппаратом, было наблюдать, как снимают другие. Как выставляют детей на фоне водопада, выдвигают им вперед то правую, то левую ногу, репетируют улыбку, бранятся в случае неудачи и начинают все сначала, а ко всему привычные малыши выдерживают «фотосессию» со скучающими взорами, не забывая по команде воссоздать на лице «киношный» белозубый оскал...

Забавно.

В парке было по-настоящему хорошо. Легко на душе; наверное, люди, сто лет назад выбиравшие место для каждого камня и каждого дерева, находились под властью вдохновения. Наверное, праздные курортники, которых каждый день привозили сюда высоченные чадающие автобусы, каким-то образом чувствовали это и входили со счастливым парком в своеобразный резонанс...

– Женщина! Уйдите в сторону, пожалуйста!

Юля вздрогнула. Сказано было не ей – но в голосе было столько раздражения, что даже те экскурсанты, к которым никак не могло относиться слово «женщина», завертели головами.

Толстошей, в белых шортах бычок фотографировал свою подругу – как водится, по стойке «смирно» напротив клумбы. В кадр попала какая-то случайная дама – ее и погнало, причем слово «пожалуйста» никак не могло скрасить бесцеремонную наглость приказа.

– Пожалуйста, – процедила женщина сквозь зубы и медленно, брезгливо отошла.

– Еще шипит, – пробормотал фотограф. – Ходят тут всякие Маньки с пивзавода...

– Что?!

– Ну, или с майонезной фабрики, откуда ты там приехала...

Фотографируемая подруга хихикнула.

Юля поразились. Магнолии, небо и море внизу, лилии в бассейне, самшитовые кусты – все это настолько не сочеталось с привычным хамством чудища в белых шортах, как если бы в подтянутом симфоническом оркестре обнаружился пьяный, синий, в мокрых штанах музыкант.

Незнакомая женщина тоже поразилась. И – не сумела пропустить слова мимо ушей. Она покраснела – волной; кажется, на глазах у нее даже выступили слезы.

Стас шагнул вперед. Юля не успела испугаться – Стас что-то сказал Белым Шортам, те ответили отборной руганью, фотографируемая подруга радостно засмеялась на фоне куста. Стас еще что-то сказал – круглая голова, принадлежащая Белым Шортам, вдруг налилась кровью, Юле показалось, что еще мгновение – и этот ясный день омрачится, кроме хамства, еще и мордобитием...

Но обошлось. Сделали свое дело ледяное спокойствие Стаса и его железобетонная уверенность – без единой толики лишних эмоций, без горячности либо агрессии. Наверное, в этот момент он более чем всегда был хирургом, хирургом до мозга костей.

Белые Шорты еще долго бранились и брызгали слюной, а Юля, мертвой хваткой вцепившись в Стаса и в притихшего Алика, гордо вышагивала по аллее вниз. На них поглядывали скорее заинтересованно, чем одобрительно; вокруг Белых Шорт и его подруги образовалось пустое пространство – карантин.

И уже у калитки их догнала та самая незнакомая женщина.

(конец цитаты)

Глава вторая

Занимательная геральдика: ГЛИНЯНЫЙ БОЛВАН НА ЧЕРНОМ ПОЛЕ

* * *

Я не был в клубе лет пять, не меньше. И примерно столько же не был в городе; суэта всегда действовала на меня угнетающе. Вот и теперь – сразу же за городскими воротами у меня начала болеть голова.

Клуб помещался в самом центре, чуть выше рыночной площади, напротив дворца для публичных увеселений. Вход в здание клуба украшали два бронзовых грифона – и если один возлежал, уронив голову на когтистую лапу, то второй развернул крылья и разинул рот, готовясь атаковать. Ступени крыльца были пологие, розового мрамора. Дверь согласилась открыться только после значительного с моей стороны усилия; я шагнул внутрь – справа обнаружилось зеркало, и на секунду я увидел свое отражение: черный плащ до щиколоток, черная шляпа, расшитая звездами, все в соответствии с протоколом. Разные глаза – правый синий, левый желтый. Вторичный признак наследственного мага проявился в моем случае очень уж ярко – у отца, например, оба глаза были голубые, разница состояла в оттенке.

– Как здоровье вашей совы?

Я обернулся.

Старичок был сед, как зрелый одуванчик. Правый глаз карий, левый – карий с прозеленью; оба глядели с профессиональной доброжелательностью:

– Молодой господин – член клуба или только желает вступить?

Я снял с шеи кожаную сумку для документов. Извлек членский билет, поводит перед носом старичка:

– Сова чувствует себя хорошо. Мое имя Хорт зи Табор, я хотел...

– Как время-то идет, – сказал старичок, и оба его глаза заволокло легкой дымкой. – Я, милостивый государь, помню, как радовался ваш батюшка вашему благополучному появлению на свет... А ваша бедная матушка! После стольких потерь, в столь зрелом возрасте – наконец-то благополучные роды...

Я нахмурился. Не люблю, когда посторонние оказываются посвященными в интимные тайны нашей семьи. Тем более не люблю, когда об этих тайнах болтают.

– Сколько вам? – спросил старичок с обезоруживающей улыбкой. – Двадцать пять?

– Позвольте мне пройти в правление, – сказал я ледяным тоном.

На полированной стойке гардероба застывшей лужицей лежал птичий помет. Судя по экскрементам, здоровье оставившей их совы было в полном порядке.

* * *

Последний раз я платил взнос двадцать пять месяцев назад; теперь мой долг улегся золотой горкой на черном бархате стола. Господин председатель правления кивнул господину кассиру – мои денежки переместились со стола в мешочек, а затем в сейф.

– Итак, господин зи Табор, вы получаете в полное распоряжение Корневое Заклинание – с условием, что оно будет реализовано в течение шести месяцев. Если по истечению этого срока вы не воспользуетесь своим правом – оно, то есть право, у вас изымается, и в качестве штрафа вы теряете возможность участвовать в следующем розыгрыше.

На плече у председателя правления топталась пожилая, выдавшая виды сова. Приоткрыла один глаз, окатила меня желтизной сонного, презрительного взгляда – и зажмурилась опять.

– Заклинание требует значительного усилия, использование его имеет ограничение по степени... Впрочем, вам, господин зи Табор, как внестепенному наследственному, эта часть инструктажа не понадобится. Распишитесь – и получите муляж...

Председатель наклонился, открывая ящик стола; сове пришлось полуоткрыть крылья, чтобы удержаться на его плече.

На черный бархат легла грубо слепленная глиняная статуэтка – непропорциональная человеческая фигурка. Продолговатая голова была такого же размера, как все остальное туловище; колени и локти уродца были чуть согнуты, спина – прямая.

Я вздрогнул – такой силой веяло от этой неприглядной, в общем-то, вещицы.

– Муляж одноразовый, для инициации заклинания необходимо разрушить его целостность, то есть отломить голову. Караемый может быть только один, караемый должен находиться в пределах прямой видимости, Кара осуществляется один раз, при непосредственном прикосновении к затылку муляжа включается режим обвинения – то есть вы должны связно, желательно вслух, назвать вину, за которой последует Кара. Внимание! Названная вина должна в точности соответствовать действительной провинности, в случае ложного обвинения заклинание обращается против карающего! Карая, вы совершенно точно должны быть уверены, что названное злодеяние совершил именно караемый субъект! Иначе – ужасная смерть!

Председатель патетически возвысил голос – так, что сова на его плече снова приоткрыла один глаз.

– С того момента, как подпись обладателя Кары появляется в соответствующей ведомости, – председатель нежно погладил страницу толстой магической книги, – и в течение шести месяцев, либо до момента нарушения целостности муляжа, правом на совершение Кары обладает обладатель и только он. Если постороннее лицо нарушит целостность муляжа – магического акта не произойдет, постороннее лицо погибнет, а обладатель утратит свое право на Кару. Внимание! После начала процедуры Кары – то есть с момента, когда муляж окажется непосредственно в руках карающего – карающий находится в режиме *пониженной уязвимости*. Это означает, что всякое вредоносное воздействие на него будет затруднено, а сама попытка такого воздействия сопряжена с угрозой жизни нападающего, – председатель задумался, будто пытаясь вникнуть в смысл только что сказанных слов.

– Вина должна быть соразмерна предполагаемой Каре? – хрипло спросил я.

Председатель помолчал. Позволил себе улыбнуться:

– Ну что вы, любезный зи Табор. В практике этого заклинания был случай, когда человека покарали насмерть за пролитый кофе... То есть покаранный *действительно* его пролил, вы понимаете?

Сова на его плече издала сдавленное «хи-хи». Мне сделалось неприятно.

– ...И было, к сожалению, несколько случаев, когда весьма неглупые люди становились жертвой собственного заблуждения. Один ревнивец вздумал покарать предполагаемого любовника жены... но фатально ошибся. Между тем человеком и его женой действительно был сговор, поскольку жена курила трубку тайком от мужа, а тот человек поставлял ей табак... Если бы обладатель Кары произнес бы в приговоре – «за табак», караемый бы умер. А так – умер карающий... А другие случаи такого рода... А... – председатель огорченно махнул рукой.

– Можно ли покарать мага? – спросил я с бьющимся сердцем. – Какой степени?

– Любой, – проникновенно сообщил председатель. – Это же Корневое заклинание, вы должны понимать...

– Члены Клуба Кары не могут быть подвергнуты заклинанию, – сказал кассир. С некоторой, как мне показалось, поспешностью; сова господина председателя неодобрительно на него покосилась.

Некоторое время я раздумывал, не покажется ли наглостью мой следующий вопрос, и, так и не додумав, спросил:

– Члены клуба не могут быть покараны по определению? Заклинание не сработает?

– Это Корневое заклинание, – со вздохом повторил председатель. – Но если вы примените его против члена Клуба Кары – вы должны быть готовы к, э-э-э, санкциям... Очень серьезным, по магической части. Вы понимаете?

– Понял, – я коротко наклонил голову.

– Официальную часть инструктажа можно считать законченной, – сказал председатель, как мне показалось, с облегчением. – Теперь, согласно традиции...

Из того же сейфа, куда уплыли мои взносы за два с лишним года, были извлечены три бокала и пузатая бутылка.

– Ну что ж, господа... Для кого-то власть – игрушка, для кого-то – смысл жизни, для кого-то смертельный яд... Мы, маги, играем с властью, как играют с огнем. Выпьем же за то, чтобы наш молодой друг Хорт зи Табор получил от своего выигрыша пользу и удовольствие!

Они осушили свои бокалы. Я, маясь неловкостью, едва пригубил.

– Я не пью спиртного, – объяснил я в ответ на их вопросительные взгляды. – Последствия... тяжелой болезни.

* * *

ВОПРОС: С помощью чего осуществляются магические воздействия?

ОТВЕТ: С помощью заклинаний.

ВОПРОС: Каким образом осуществляются заклинания?

ОТВЕТ: Вербально либо интуитивно.

ВОПРОС: Каким образом распространяются заклинания?

ОТВЕТ: В среде назначенных магов общепринятые заклинания распространяются без ограничений посредством личных встреч либо через специальную литературу. Редкие и экзотические заклинания продаются либо даются в аренду (если при них имеется материальный носитель).

ВОПРОС: Что такое материальный носитель заклинания?

ОТВЕТ: Это предмет, в котором заклинание воплощено.

ВОПРОС: Всякое ли заклинание требует материального носителя?

ОТВЕТ: Нет, не всякое. Постоянного материального носителя требуют только Корневые заклинания.

ВОПРОС: Что такое Корневые заклинания?

ОТВЕТ: Это заклинания абсолютной силы, происходящие от корня всех вещей.

ВОПРОС: Какие ограничения для магических воздействий вы знаете?

ОТВЕТ: Абсолютно закрытой для магических воздействий остается область медицины (кроме ветеринарии). Для высших магических воздействий существуют ограничения по степени мага, по актуальному запасу магических сил, а также по количеству объектов воздействия.

ВОПРОС: Каково максимальное количество объектов воздействия для мага первой степени?

ОТВЕТ: Сорок объектов плюс-минус два.

* * *

– Можно поздравить вас, любезный Хорт?

Старичок-одуванчик стоял у гардеробной стойки – не загораживая проход, но и не оставляя дорогу свободной. Двусмысленно как-то стоял.

Я снова увидел свое отражение в зеркале – рот до ушей, правый глаз сияет синим, левый – желтым, и требуется немедленно пожевать хины, дабы стереть с лица столь простодушное выражение счастья.

– Поздравляю, – с чувством сказал старичок. – На правах давнего знакомого вашей семьи... хотите совет?

Я неопределенно пожал плечами.

– Учтите, Хорт: Корневое Заклинание, даже одноразовое, всегда откладывает отпечаток на всю последующую жизнь... а какой именно отпечаток – зависит от того, как вы используете Кару.

Я нетерпеливо кивнул:

– Да, да...

– И от всего-то вы отмахиваетесь, – мило улыбнулся старичок. – Самоуверенная молодость... но на всякий случай знайте: чем справедливее будет ваша Кара, чем могущественнее покаранный и чем больше злодейств у него за плечами – тем больше возможностей откроется перед вами. Из внестепенного мага вы можете стать великим... можете, да. Если покараете – справедливо! – самого страшного, самого мерзкого, самого вредного людям злодея. Вот так, – он улыбнулся снова. – А теперь – ступайте... Вам ведь надо еще найти подходящую гостиницу?

Я помедлил:

– Прошу прощения... Эта, гм, связь между Карой и... на инструктаже мне ничего подобного не говорили... это... правда?

Старичок улыбнулся в третий раз, веселые морщинки расплзлись по лицу солнечными лучиками:

– Что вы, Хорт... Это такая сплетня. Легенда, так сказать.

...Уличный шум, солнечный свет, грохот колес, жара и пыль, галдящие голоса, все это – воздух, свет и грохот – упало на меня, как падает оборвавшаяся тюлевая штора. Я стоял на крыльце клуба, между бронзовыми грифонами, и дышал часто и глубоко, до головокружения.

Я стоял на пороге мира.

Я. Всемогущий. Способный покарать самого страшного в мире злодея, мага, короля, да кого угодно. Я, властелин. Я...

Только не торопиться. Только как следует выбрать. Насладиться властью и не ошибиться в выборе – уж это я сумею. Я – сумею. Я...

Бронзовые грифоны косились на меня – ободряюще, но чуть снисходительно.

* * *

Пять лет назад я останавливался в гостинице «Северная Столица», самой большой и помпезной в городе. Массивное здание «Столицы» торчало в самом центре города, на рыночной площади; помнится, тогда меня донимали постоянный гам, топот и суета под окнами.

Теперь я нуждался в покое и уединении, а потому не поленился отыскать в хитросплетениях улиц крошечную, но вполне приличную с виду гостиницу «Отважный суслик». Завидев столь важного постояльца (а я по-прежнему был в черном клубном плаще и шляпе с золотыми звездами) хозяин кинулся освобождать лучший номер; оказалось, что в достойных меня комнатах вот уже два дня живет некая дама, и для удобства господина мага (моего удобства!) даму спешно переселяют в номер поскромнее; ожидая, пока комната будет готова, я опустил в кресло посреди холла, вытянул ноги по направлению к пустому камину и прикрыл глаза.

Футляр с глиняной фигуркой отдал мне бок. Такую вещь нельзя доверить багажу; такая вещь способна изменить жизнь, во всяком случае, взломать ее неторопливое течение, как это уже случилось со мной.

Такая вещь способна отравить насмерть; я сам чувствовал, как внутри меня проклевывается и растет снисходительность Верховного Судии.

Халтуришь, думал я, глядя на горничную, наспех протирающую ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж. Халтуришь, надо бы тщательнее. За такое небрежение обязанностями рано или поздно можно схлопотать...

Горничная поймала мой взгляд. Наверное, это был особенный взгляд, потому что девушка явственно побледнела. Я улыбнулся, и эта улыбка привела ее в ужас; надо отдать ей должное, свой пост она не бросила и лестницу домывала. Хотя и халтурила сверх всякой меры.

Я улыбался, наблюдая за ее отчаянной работой. Когда она убежала, я улыбался ей вслед; каждый из нас хоть в чем-то, да виновен. Вернее, каждый из *нас*, потому что я теперь – по другую сторону приговора. Да, случайно и ненадолго – но ведь и жизнь, если вдуматься, недолга.

* * *

Он явился поздно вечером, в такое время вежливые люди визитов не наносят. Впрочем, собственная вежливость заботила его меньше всего.

Был сильный ветер. Кажется, намечалась перемена погоды; кажется, жара наконец спадет, и мне не придется тратить силы на прохладу в собственном жилище. Так или примерно так я рассуждал, сидя у открытого окна, вдыхая позабытый за пять лет запах большого города и глядя на проплывающие под окном экипажи.

Не заметить визитера было невозможно. Он просто пришел и встал на противоположной стороне улицы, глядя не на меня, а куда-то вдаль – будто ему нет дела ни до чего на свете, а в особенности до зеваки в открытом окне. Ветер красиво раздувал его плащ и длинные волосы, но наступающая темнота понемногу съела это великолепие, и очень скоро доступным зрению осталось одно только белое, как стенка, лицо.

Тогда-то он впервые посмотрел на меня. Посмотрел – и тут же отвел взгляд.

И когда хозяин «Суслика» – в халате поверх ночной сорочки – извиняющимся голосом спросил, не жду ли я гостя – я уже знал, что жду.

– Как здоровье вашей совы?

Голос у визитера был бесцветный, как и брови, как и усы; еще до того, как он произнес формулу приветствия, я понял, что он маг. Наследственный. Но, увы – третья степень.

– Сова поживает прекрасно, – ответил я автоматически. И, разглядывая гостя, неожиданно добавил: – Если только для сов существует загробный мир. Она давно сдохла.

– Очень жаль, – отозвался гость безо всякого сожаления в голосе. – Я знаю, что вы выиграли заклинание.

Я предложил ему войти.

Его шляпа, будучи водруженной на вешалку, оказалась клубной шляпой в золотых звездах. Вот уж не знал, что среди членов элитного клуба встречаются столь захудалые маги.

– Я член клуба, – сообщил он, будто читая мои мысли. – Уже почти два года. Чтобы уплатить вступительный взнос, мне пришлось продать дом.

– Вы небогаты? – спросил я, рассудив, что если он с порога задал такой уровень откровенности, то мне и подавно церемониться нечего.

Он усмехнулся:

– Я торговец зельем. Вот, – он раскрыл полу кафтана. С внутренней стороны к ней были приколоты плоские мешочки с пестрыми этикетками. Мой взгляд зацепился за самую бросающуюся: «Приворотное зелье! Бесплатный образец! Испытайте сейчас!» Да, ниже падать вроде бы некуда.

– Вы не догадываетесь, зачем я к вам пришел? – спросил он сухо.

Я помолчал; в моем позднем госте угадывалось какое-то несоответствие. Низкая степень, презируемая профессия, потертый кафтан – но ни намека на жалость к себе, угодливость или юродство. Вероятно потому, что на свою собственную персону ему было в высшей степени плевать.

– Нет, – сказал я осторожно. – Не догадываюсь.

Этого он, оказывается, не ожидал. Между бровями у него залегла глубокая коричневая складка.

Я не торопил его.

– К вам еще никто не приходил, – сказал мой гость, и в его словах не было вопроса – скорее удивление. Удивление редкостной удаче.

Я на всякий случай промолчал.

– Значит так, – торговец зельями откинулся на спинку кресла, редкая бесцветная прядь упала ему на лоб, и я вдруг увидел, что еще совсем недавно мой гость был красавцем-блондином, повелителем женских сердец. – Значит так. Три с половиной года назад у меня похитили дочь.

Зависла пауза; мой собеседник замолчал, но лицо его не изменилось. Как будто он говорил о погоде.

– Я знаю, кто и зачем это сделал. Я знаю, что моя дочь погибла... Я сам ее похоронил. Ее похититель, он же убийца, скрывается сейчас за океаном, на острове Стан. Он не маг, но он очень богат и знатен. Он окружил себя телохранителями, зная, что остаток моей жизни будет посвящен... Господин Хорт зи Табор. Если вы хотите иметь вечного раба, – слово раб он выговорил с нажимом, – раба верного и преданного до последней капли крови – поедем вместе на остров Стан, и покарайте... убийцу. Ей было четырнадцать. Моя жена не пережила... Нет, я не сумасшедший. Если вы откажете мне, я буду искать новый путь – как искал их все эти годы. Я платил взносы в клуб, надеясь на чудо... на то, что в природе есть справедливость. Но ее нет. Потому я пришел к вам.

– Вы бы не справились с Корневым, – сказал я медленно.

Он усмехнулся, и я понял, что он, наверное, справился бы. Несмотря на свою третью степень.

– Во время последнего розыгрыша, – он снова усмехнулся, – мне тоже немножко повезло. Я выиграл набор серебряных ложек и заклинание-очиститель для стекла. Вот, – он сощелкнул с пальцев воспроизводящий жест, и в комнате сразу стало светлее, потому что абажур гостиничной лампы миготом очистился от пыли и копоти. Откуда ни возьмись, появилась ночная бабочка и омрачила своим трупом этот праздник освобожденного света.

– Видите ли, – сказал я осторожно. – Я сочувствую вам и верю, что этот негодяй достоин кары, но ведь я только сегодня получил... У меня шесть месяцев впереди... А, кстати, за те два года, что вы в клубе, заклинание разыгрывалось четырежды. Вы обращались к людям, которые...

– Да, – сказал он, не дожидаясь, пока я закончу. – Они мне отказывали примерно такими же словами. Сперва они шесть месяцев нянчили в себе Судию. Потом находилось дело, куда более важное, и вина, куда более ужасная... Да. Я и не предполагал иного исхода. Извините, что потревожил вас.

Он поднялся.

– Погодите, – сказал я раздраженно. Мне все меньше нравилась его манера говорить – в разговоре он тащил за собой собеседника, будто пыльный мешок.

– Единственное, что меня беспокоит, – сказал он, обращаясь к обгорелому трупку бабочки, – что убийца может сдохнуть своей смертью. Он стар и болен, время идет... Но если он протянет еще хотя бы год – я найду способ. Прощайте, господин Хорт зи Табор.

Он повернулся и вышел. Через минуту тупого разглядывания дохлой бабочки я понял, что он так и не назвал своего имени.

* * *

За долгий следующий день, проведенный мною в гостинице «Отважный суслик», я многое понял.

Во-первых, все мои планы пожить светской жизнью, сходить в театр или во дворец общественных зрелищ, да хотя бы погулять по городу в часы, когда там не особеннолюдно – все эти планы пошли прахом.

Во-вторых, к вечеру я серьезно стал подумывать о бегстве. То есть о том, чтобы незаметно покинуть гостиницу и город; когда в дверь моего номера постучался двадцать девятый посетитель, я, не долго думая, обернулся толстой горничной и, поигрывая тряпкой, сообщил визитеру, что господин Хорт зи Табор изволили пойти прогуляться. А затем – пока неудачник спускался по лестнице – быстро высунулся из окна и накинул на фасад гостиницы тоненький отворотный флер.

Некоторое время после этого я имел возможность наблюдать, как под самым моим окном бродят потерявшиеся визитеры. Как спрашивают у прохожих о гостинице «Отважный суслик», а прохожие вертят недоуменно головой и посылают гостей в разные стороны, как гости глядят на меня, по пояс высунувшегося из окна – и не видят, не видят в упор...

Глиняная фигурка лежала на столе, над ней кружилась одинокая комнатная муха.

Ко мне приходила женщина, у которой убили мужа. Старушка, у которой ночные грабители вырезали всю семью; заплаканная служанка, которую изнасиловал собственный хозяин. Многие визитеры скорбели не только о собственных потерях – так я узнал о несправедном суде, за взятку оправдывавшем убийц и посылавшем на плаху невинных, о спесивом аристократе, который развлекался псовой охотой на людей; тощий как щепка крестьянин рассказал о судьбе своей деревни – какой-то бесчестный воротила скупил у продажного старосты общинные земли, поставив почти сотню семей на грань голода и разорения. Все приходившие ко мне рассказывали – со слезами или подчеркнуто отстраненно – о своих бедах и о виновниках этих бед, и даже мне, человеку в общем-то черствому, становилось все более кисло.

Флер над фасадом «Отважного суслика» продержался почти час. Город плавал в теплых сумерках; не дожидаясь, пока моя маскировка опадет, я снова обернулся толстой некрасивой женщиной, положил ключи от номера в карман передника и спустился в холл. Хозяйская

дочка, дежурившая за конторкой, вылупила на меня круглые голубые глазищи; я не удержался и показал ей язык.

– ...Госпожа, вы не подскажете, как найти гостиницу «Отважный суслик»?

Спрашивал юноша лет семнадцати, тощий, хорошо одетый и очень несчастный с виду.

– На что вам? – спросил я. Голос у моей личины оказался визгливый, напоминающий почему-то о дохлой рыбе.

– Мне надо... – он запнулся. Посмотрел на меня, то есть на толстую некрасивую личину, исподлобья: – А... вам-то что за дело?

– Нету здесь никакого суслика, – сказал(а) я сварливо. – Был, да весь вышел.

Юноша отошел прочь; по-видимому, он не поверил скверной женщине, в которую я обернулся, и намеревался продолжить поиски.

Не могу сказать, что в тот момент мне было жаль его. За один день передо мной прошло столько драм и трагедий, что на сочувствие нежному юноше не осталось сил. И кто знает, кому и за что он собрался мстить. Может, у него собаку убили. Или девушку увели...

Я шел по улице тяжелой походкой прачки. Грязный подол колыбался над самой булыжной мостовой, победоносно грохотали деревянные башмаки. И что за извращенная фантазия заставила меня выбрать именно эту, в высшей степени неприятную личину?

Эйфория – радость внезапного приза, гимн свалившегося с неба всевластья – закономерно сменилась тупой усталостью и едва ли не тоской. Я смотрел, как роется в куче отбросов ослепительно белый, с аристократическими манерами кот. Как он изящно поддевает чистой лапой то селедочный скелет, то обрывок картофельной шелухи; скверно, думал я. Во-первых, покарать возможно только *одного* злодея, в то время как злодеев в мире – пруд пруди. А во-вторых – ну что за низкая человеческая порода, что за подлое желание наказать врага чужими руками, выкупить справедливость, вместо того чтобы самому помочь ей воцариться...

Я намеренно злил себя. Мне очень хотелось увидеть в сегодняшних визитерах – корыстолюбивых, расчетливых купцов.

Вот если бы во всех их бедах виновен был один человек, раздумывал я угрюмо. Вот если бы... Как там говорил старичок-одуванчик? «Чем справедливее будет ваша Кара, чем могущественнее покаранный и чем больше злодейств у него за плечами...»

– Эй, баба, сбрендила?!

То, что я поначалу принял за стенку, возникшую прямо у меня на пути, оказалось всего-навсего пьяным ремесленником, судя по запаху, кожемякой.

– Эй, баба? Бодаться? Ты чего это? А? – тон его из удивленного все быстрее перетекал в игривый.

Я настолько поразился кожемякиным вкусам – польстился же на такую уродину! – что даже не сопротивлялся, когда он зажал меня – то есть мою личину – в темный угол какой-то подворотни.

– Ты, это... – голос его истончился и романтически задрожал. – Красотка, я сегодня заработал, хошь, в трактир пойдем?

Вонь от него исходила неопишуемая. Все еще рассчитывая обойтись без резких жестов, я выдавил из глотки смущенное «хи-хи».

– Голубок, – сказал я визгливым рыбным голосом. – Шел бы ты по своим делам. Мне с тобой баловаться недосуг, женишок-то мой, кузнец, поди заждался...

Я забыл, что моей личине было лет сорок на вид. Такой не к жениху спешить – внуков нянчить; пьяный кожемяка то ли не понял, то ли принял мои слова за кокетство.

– Пташка... куда спешишь... куда летишь...

И заскорузлая ладонь смело полезла моей личине под подол.

– Эй, эй! – я стряхнул его руку. – Я стражу кликну!

Кожемяка обиделся:

– Я, это... Сама завела, а теперь верещать?!

И он притиснул меня к кирпичной стене – весу в нем было, как в годовалом бычке.

Стоило, наверное, найти выход поизящнее – но я устал. Поспешно, почти суетливо – нервы, нервы! – я вернулся в свой естественный облик, и кожемякина рука, только что шарившая под подолом толстухи, нашла совсем не то, что ожидала найти.

– Э-э-э...

На секунду мне даже стало жаль его.

– Э-э-э... – он уже хрипел. Наверное, друзья не раз предупреждали его, что много пить – вредно. Что рано или поздно ко всякому пьющему человеку приходит голая мышка на зеленых лапках и, печально подмигивая, говорит: все. Наверное, в эту секунду кожемяка был уверен, что напился уже до голой мышки; бессмысленный взгляд его скользил по моей одежде, по лицу, мгновение назад бывшим лицом толстухи. Мыслительные кожемякины процессы оказались столь замедленны, что мне пришлось в порядке поощрения ткнуть его кулаком под ребра.

Через мгновение переулок был пуст.

* * *

«...Я, говорит, теперь назначенная магиня, и ишии вам всем. Уеду в город, свое дело открою, денег заработаю и буду в старости вас содержать. Сунула за пояс палку свою волшебную и была такова, во как.

Через месяц весточка приходит: устроилась! И еще как устроилась, ишии вам всем! В настоящей магической конторе, у мага второй степени, да не девочкой на побегушках – полноправной помощницей, хозяин сказал, скоро в долю возьмет... И хвалил очень за талант да за умения магические.

Сперва мы отмалчивались, да потом и сами письмо с оказией пустили, не удержались... как контора-то называется? Что делает, что за ремесло?

Бюро находок, отвечает. Что кто если потеряет – к господам магам идет, и господа маги отыскивают. Сама, отвечает, уже два кошелька нашла (потрошенных, правда), козу нашла, кота и пуговицу с бриллиантом.

Ох, думаем, может, и вправду? Ясное дело, что дело чепуховое – котов искать, но раз нравится ей, раз довольна, и деньги кое-какие, и в долю возьмет...

А еще через два месяца – беда. Контора-то оказалась не простая; контора с двойным дном оказалась, для виду котов искали, а на самом деле темные делишки обдeldывали – с чужими тенями, да с умертвиями по заказу, на расстоянии, это когда вечером спать ложись, а к утру уже мертвяк, потому что кто-то твою тень выманил да на медный крючочек намотал... Накрыли контору. Хозяин – в бега... поди поймай его, он маг второй степени! А наша дуручка наивная осталась. С кого спрашивать? С нее. В тюрьму... А она тех теней даже и не видела! Она понятия не имеет, как это – на медный крючочек! Допросчик, что ее допрашивал, говорит: видно, что девка ваша ни при чем, но сидеть будет, пока ТОГО не поймут... А как поймать-то его?!

И сидит, красавица, полгода уже. Королю прошение написала, но ответа пока не видать. Одно утешение: в тюрьме у них чисто, тараканов нет, постель мягкая, кормят сносно, видно, жалеют ее, дуру... И вроде бы стражник один ей приглянулся. Оно и понятно: как волшебную палку отобрали, так и девичьи чувства проклюнулись. Что будет с ней? Поймут ТОГО или не поймут? Любит ее стражник – или так, жалеет? Ответит король на прошение, помилует – или до старости в тюрьме запрет?

Не знать...»

* * *

Центр города тонул в неверном свете фонарей. Здесь еще работали питейные заведения, прохаживался патруль, крутилась скрипучая карусель, и юбки вертящихся на ней девчонок летали, как подхваченная ветром морская пена. Рынок закрывался, то и дело приходилось уворачиваться от огромных баулов, развозимых на тачках. На специальной тумбе справа от входа стоял мальчик лет двенадцати и звонким, но чуть охрипшим голосом выкрикивал платные объявления:

– Продается дом, улица Копейщиков, два этажа, недорого! Продается корова... Куплю упряжку! Приюту для сирот требуется повариха! Продается кузница со всем инструментом! Продается...

Я решительно свернул прочь от площади. От мальчишкиного голоса звенело в ушах.

– Объявляется набор на трехмесячные курсы палачей! – несло мне вслед. – Предоставляется общее жилье! Трехразовое питание, балахон за счет казны и стипендия пять монет! Успешно сдавшим... предоставляется... заплечных дел... сдельно...

Чем дальше в ночь проваливался город, тем глуше и пустыннее становились улицы. Я слонялся без определенной цели – центр, живой и освещенный даже после полуночи, остался далеко позади. Во дворец общественных увеселений я так и не пошел, а публичные девицы, пожелавшие скрасить мой досуг, показались на редкость грязными и неаппетитными.

Когда кончился свет ночных фонарей – кончились и девицы. Вообще все прохожие куда-то делись; меня окружали, по-видимому, ремесленные переулки. Возможно, при свете дня эти приземистые строения, вывески и подворотни обладали определенным обаянием – но теперь я смотрел ночным взглядом, а потому все предметы приобретали неопрятный коричневатый оттенок. Я давно заметил, что пейзажи, впервые увиденные в темноте, не имеют шансов мне понравиться.

Я шел и думал, что, неверное, лучше бы мне выиграть на Корневое заклинание, а набор серебряных ложек и очиститель для стекла. И вовсе не потому, что трудно выбрать для справедливой кары одного-единственного злодея и не ошибиться. А потому, что через шесть месяцев – а может быть, и раньше – мне придется из вершителя судеб превратиться в обыкновенного провинциального мага. Судьба, прямо скажем, не из последних, и всю жизнь меня устраивавшая – пока во рту моем не возник вкус настоящей власти. И даже не вкус еще – предвкуше.

«Чем справедливее будет ваша Кара, чем могущественнее покаранный и чем больше злодейств у него за плечами...»

И кого же, интересно, надо мне покарать, чтобы сделаться великим магом?

Я брел узкими улочками, полностью потеряв представление о том, куда я иду. Ремесленный квартал сменился торговым. Всюду было абсолютно темно, плотно закрытые ставни не пропускали ни лучика; где-то очень далеко перекрикивались сторожа.

Вполне возможно, что я заведу толстую тетрадь, куда стану записывать жалобы многочисленных визитеров. А потом, когда тетрадь заполнится – устройю обход обличенных ими злодеев, чтобы своими глазами убедиться в справедливости обвинений. Я буду появляться перед подсудимыми в черном плаще до пят, клубной шляпе, надвинутой на брови, и с глиняным уродцем в руках; к тому времени молва разнесет по городам и весям правду и небылицы о моем «одноразовом муляже». При виде меня злодеи будут падать в обморок, валиться на колени, в крайнем случае просто бледнеть как полотно. И, разложив перед собой свою толстую тетрадь,

я буду укоризненно смотреть им в глаза. Иногда сверяться с записями – и смотреть снова. И чувствовать, как щекочет в горле всевластие.

А потом это все закончится. Я вернусь домой – и единственным моим развлечением останется истребление кур. Я стану оборачиваться хорьком так часто, что на любое другое занятие у меня уже не хватит сил. Дом придет в запустение, огород перестанет родить, и тогда я...

Мое ночное зрение болезненно съезжилось, потому что за углом обнаружился одинокий фонарь. Свет его падал на полукруглую вывеску – «Отважный суслик». Вероятно, моим ногам надоела затянувшаяся прогулка, и они вывели меня к месту ночлега – совершенно самостоятельно, не посоветовавшись с рассудком.

Я безошибочно узнал окна своего номера – с крайнего правого еще свисал истончившийся обрывок защитного флера. На пороге гостиницы сидел, прислонившись к стене, незнакомый молодой человек. Неподвижные глаза его смотрели прямо перед собой; весь он был похож на небольшую статую, впечатление разрушали только пальцы, вертящие, теребящие, поглаживающие какой-то мелкий предмет на цепочке. Не требовалось большого ума, чтобы угадать в незнакомце одного из моих визитеров, не самого удачливого, но, вероятно, очень упрямого.

Я был готов замылить глаза незваному гостю и войти в гостиницу незамеченным – когда увидел, *что именно он вертит в руках.*

* * *

– Нет, она в полном сознании. Она прекрасно понимает, что с ней что-то случилось. Какая-то потеря... Она помнит, как ее захватили. И куда привезли – замок со рвом и укреплениями, с цепным драконом на мосту. И некто – она не помнит его лица – что-то делал с ней. Потом в ее памяти случился провал. Она очнулась на перекрестке, в сотне шагов от нашего дома. И на шее у нее было вот это.

«Вот это» было кулоном. Массивным, по размеру почти таким же, как у старика Ятера. Не яшмовым, а сердоликовым, изжелта-розовым. И вместо скалящейся морды с камня смотрели только глаза – напряженные, чуть навывкате. Один чуть выше, другой чуть ниже. Нечеловеческие глаза; когда-то я видел в зверинце несчастную старую обезьяну – помнится, она смотрела очень похоже.

Кулон лежал теперь на пустом столе; мне не надо было присматриваться, чтобы уловить плотное облачко чужой силы, заключающее в себе розоватый камень.

– Сердолик не поддается подобной обработке, – скучным голосом сказал молодой человек; я продолжал считать ночного гостя молодым, несмотря на то что под шляпой у него обнаружилась изрядная лысина. – Я ювелир. Я знаю.

– Вы правы, это магическая вещь, – согласился я осторожно.

Я все теперь старался делать очень осторожно. С того самого момента, как я разглядел кулон в руках ночного гостя, внутри меня не утихало зудящее предчувствие большой удачи; наверное, подобная горячая щекоетка мучает нос собаки, только что взявшей след.

– Эта вещь, – мой собеседник брезгливо опустил уголки губ, – есть величайшая улика. Дорожка к преступнику, рядом с которым все лесные душегубы окажутся просто детьми... И поскольку традиционное правосудие...

– Я понял, – возможно, я оборвал его не слишком вежливо, однако песня, которую он собирался завести, была мною выслушана уже без малого тридцать раз. – Я прекрасно понял. Вы считаете, что нашли лучшее применение для Кары; однако ваша жена возвратилась домой

живой и относительно здоровой, в то время как многие, просившие вчера моего заступничества, потеряли своих близких. Речь идет о человеческих жертвах, в то время как ваша жена...

– Ее изувечили! – выкрикнул он шепотом. – Ее использовали для... вероятно, ритуала, вы в этом лучше разбираетесь, ведь вы маг, а не я!..

– Но ведь она в здравом рассудке, – сказал я примиряюще. – Даже если ее изнасиловали – она не помнит об этом, и...

Он глянул на меня так, будто это я только что на его глазах надругался над его женой.

– Ритуалы бывают разные, – сказал я извиняющимся тоном. – Но, возможно, ее вовсе...

– Ее не... не... насиловали, – сказал он, и я решил не перечить.

– Вот видите, – кивнул я. – И внешне она не...

– Не изменилась, – он помедлил, потом губы его сложились в подобие улыбки. – Смотрите.

Извлек из-под рубашки медальон, бережно открыл, поднес к моим глазам – насколько хватило цепочки. Миниатюра изображала женщину не то чтобы красивую, но, без сомнения, привлекательную. Лет двадцати.

– Да, внешне она не изменилась... Но изменилась изнутри.

– Каким образом?

Некоторое время он смотрел на меня, не решаясь сказать.

– Ну же?

– Поглупела, – сказал он шепотом. Я крепко сжал губы – не улыбнуться бы. Только не улыбнуться, последствия могут быть неисправимы.

– Да! – сказал он с вызовом. – Она сделалась веселее, чаще поет... Чаще бывает в хорошем настроении. Несмотря на то, что ей пришлось пережить. Я знаю, что вы сейчас подумали... скажите, не стесняйтесь! Скажите, ну?!

– Я подумал, что это не так уж плохо, – честно признался я.

Мой гость горестно покачал головой:

– Да... не вы первый. А я люблю ее! Любил... ту, прежнюю.

Снова зависло молчание. Я смотрел на кулон; яшмовая рожа, когда-то украшавшая грудь папаши Ятера, приходилась этому сердолику родной сестричкой.

На ловца сова летит.

– Кстати, – я поводил ладонью над зловещим сердоликом. – Как долго отсутствовала ваша жена?

– Неделю, – сумрачно отозвался ювелир.

– Всего лишь неделю?!

Он посмотрел на меня почти с ненавистью:

– Всего лишь? Я успел сто раз умереть. Облысел...

И он печально провел ладонью по остаткам своих волос.

* * *

«Друг мой, лекари – не маги, но сродни им. Здоровье каждого человека священно, как ты знаешь. Лекари обладают властью над болезнями, но настоящими властелинами нашего здоровья являемся мы сами, сынок. Ты – наследственный маг, хвала сове; ты внестепенной, а это редкое счастье. Ты можешь обернуться львом или мышью – но священное здоровье твое уже подточено коварными хворями, от которых, увы, преждевременно умерла твоя матушка.

Друг мой! Для того, чтобы спокойно дожить до старости, тебе следует всю жизнь соблюдать простые, но очень жесткие правила.

Запомни!

Будь на дворе зима или лето – начинай свой день с обливания холодной водой.

Будь на дворе дождь или выюга – заканчивай свой день пешей прогулкой.

Садясь за стол, придвигай стул поближе – чтобы край столешницы вовремя напомнил тебе, что живот твой уже полон. Никогда не ешь жареного, копченого, соленого, избегай мяса; твоя пища – восхитительные ароматные каши с поволокой растительного масла, душистые овощи и сладкие фрукты, хрустящие белые сухарики, тонкие и прозрачные, как весенний лед.

Никогда не пей вина!

Заведи себе друга среди лекарей – только сперва разузнай, хорош ли он в лекарском деле. Лекарь считается хорошим, если на десяток вылеченных им страдальцев приходится не больше одного-двух покойников.

Друг мой, наши заклинания бессильны против болезней – но ведь кроме магии у нас есть воля и здравый смысл, не так ли?..»

* * *

Вечером случилась неприятность: печень, прежде ведшая себя смирно, наконец-то напомнила мне о недопустимости безрежимной жизни. Шутка ли: бессонная ночь, завтрак на ходу, жареное мясо, которым щедро угостила меня ювелирша, плотный, но недостаточно изысканный гостиничный ужин... В результате мне пришлось повозиться, составляя и заваривая лекарство, и целый час промаяться в ожидании, пока оно начнет действовать.

Утихомирив печенкин протест, я решил впредь вести себя осмотрительнее.

Смеркалось; я провел у ювелиров часа три или четыре, а потом, ведомый внезапно возникшей идеей, посетил невзрачную контору справа от городского рынка. Переговорив с усталым чиновником в побитом молюю коричневом сюртуке, я получил в свое распоряжение скрипучий стол в пятнах чернил, скрипучий стул и скрипучее же перо. Минут пять ушло на обдумывание текста; наконец я разборчиво вывел на рыжем бланке: «Скупаю драгоценные и полудрагоценные камни, кулоны, подвески. Дорого».

Побитый молюю чиновник сосчитал слова и взял с меня восемь монет. Удаляясь от базара, я слышал, как голосистый мальчишка выкрикивает со своей тумбы мое странное объявление – неизменно запинаясь на слове «полудрагоценные». Всматриваясь в лица прохожих, я не заметил, чтобы хоть кто-нибудь оживился в ответ на мальчишкин призыв; что ж, я с самого начала не возлагал на эту затею особых надежд. Но и упускать шанс было не в моих правилах.

Итак, ювелиры.

Филла Дрозд, жена лысого юноши Ягора Дрозда, оказалась вполне похожа на миниатюрный портрет в медальоне мужа. Молодая миловидная женщина с косами до колен; разговорчивая, чтобы не сказать болтливая. Как ни странно, похищение, стоившее шевелюры бедному Ягору, не произвело на нее особого впечатления – она вспоминала о нем легко, чуть ли не со смехом.

Они с подругой отправились в торговый квартал за кое-какими покупками. Взяли отрез на платье (я терпеливо выслушал, какой именно отрез и почему шерсть, а не бархат). Далее побывали у парфюмера – перенюхали два десятка духов (минут пять занял рассказ об особенностях каждого запаха), в результате у обеих разыгрался насморк. Зашли в специальную лавку, где продавались акварельные краски – ювелирша, оказывается, увлекалась живописью и даже продала в прошлом году несколько своих картин. Потом отправились к сапожнику – подруга должна была забрать сшитые на заказ башмаки... И тут-то, прямо в дверях сапожной лавки,

у Филлы случилось первое выпадение памяти. То есть медное кольцо на двери и деревянный молоток на веревке она помнит – а потом наступила темнота, и она очнулась оттого, что кто-то лил ей в глотку подогретое красное вино.

– Такое впечатление, что чужая рука заливает вино прямо в горло... Потом смотрю – я сама же кубок и держу. Сама пью – представляете? За таким длинным столом. Горят свечи, на столе поросенок с хреном, тушеная рыба с морковью, тут же и жаровенки, чтобы кушанье не остыло...

Я выслушал и это. В конце концов, каждая деталь могла оказаться важной.

Потом в воспоминаниях возник злодей – о нем ювелирша помнила до обидного мало:

– В маске он был, что ли? Нет, маски не помню. Но и лица вроде как нет... Помню, говорил со мной. Вышли на стену, смотрю – батюшки! Замок, да стены повыше, чем у нас в городе. Да мост опущен, а на мосту – я сперва думала, куча камней лежит! А потом куча как зашевелится – я снова едва не сомлела...

– Вы помните, как выглядел дракон?

– Да, о да! – оживилась ювелирша. – Коричневый, с прозеленью, крылья махонькие – при такой-то туше... На цепи, а каждое звено той цепи – как... – она запнулась в поисках наиболее цветистого сравнения. – Как колесо на королевской карете, вот!

– О чем вы говорили? – спросил я. – С похитителем?

На раздумывавшемся лице ювелирши появилось беспомощное выражение очень близорукого человека, который только что сел на собственные очки:

– Не помню... Но говорил он красиво.

Я покосился на господина Ягора – и чуть не вздрогнул. Таким болезненным было в это мгновение лицо лысого ювелира.

«Поглупела», – вспомнил я его отчаянное признание.

После тяжелого жирного обеда (который засчитала мне злопамятная печень) ювелир нашел повод, чтобы уединиться со мной в гостиной. «Ну как?» – было написано на его лице. Как будто я доктор, а ювелирша – тяжелобольная.

– Она действительно была другой? – спросил я осторожно.

Вместо ответа он кивнул на стену, увешанную разновеликими картинами в тонких деревянных рамках:

– Вот... Это ее работы до похищения.

Я подошел. Ничего особенного, как на мой взгляд, впрочем, я никогда не скрывал, что не разбираюсь в живописи. Только одна картинка мне действительно понравилась: мостик, дерево, привязанная под мостом лодка, причем на осенние листья, плывущие по воде, хотелось смотреть и смотреть снова. Казалось, они действительно движутся... и неспешный поток их настраивал на возвышенный лад, хотелось улыбнуться, вздохнуть и, может быть...

– А это она рисовала потом.

Ювелир вытащил из-за шкафа два картонных листа. На первый взгляд мне показалось, что стыдливо припрятанные работы немногим отличаются от заключенных в рамочки; только всмотревшись как следует, я понял, что разница все же есть.

– Это бездарно, – шепотом сказал ювелир. – Ей отказал вкус. Вы бы видели, как она теперь одевается... Как она *пытается* одеваться...

– Сочувствую, – сказал я искренне.

Ювелир махнул рукой – мол, что мне ваше сочувствие.

– Можно мне поговорить с подружкой? – спросил я, глядя, как он прячет женины рисунки обратно за шкаф.

– С какой подружкой?

– С той самой, которая сопровождала вашу жену в походе за покупками. Которая должна была забрать у сапожника башмаки.

Ювелир смотрел на меня, и две складки между бровями делались все глубже:

– Тисса Граб. Да... Я искал ее, хотел спросить о Филле. Тисса Граб пропала и так и не нашлась. Можете сами спросить – улица Столпников, три...

Распроставшись с ювелирами, я потратил полчаса, чтобы найти названную улицу и узнать, что госпожа Тисса Граб действительно снимала здесь комнату – но уже два месяца как съехала. Нет, не пропала внезапно, а именно съехала – заплатив за все дни, собрав вещи и распроставшись с хозяевами...

И никому не признавшись, куда направляется.

Ювелиры-ювелиры...

Я сидел, как и вчера, у окна своего номера. Хозяину строго-настрого воспрещалось пускать ко мне кого-либо; зато у входной двери рядом с деревянным молотком висела на железной цепочке толстая тетрадь, купленная мною в канцелярской лавке. На тетрадной обложке большими буквами было написано: «Жалобы и предложения оставлять здесь».

И они оставляли. Мое окно было затянуто толстым защитным флером – и я мог наблюдать, как они занимают очередь, как передают друг другу чернильницу и вполголоса ругаются, что цепочка коротка. Какой-то парень был неграмотный – его жалобу взялась записать морщинистая старушка в темном платке; парень диктовал вполголоса, до меня доносились отдельные слова: «денег не будет через... и мельницу спалит...»

А может быть – я закинул руки за голову – может быть, мне следует посерьезнее отнестись к упавшему на мою голову подарку судьбы. Не останавливаться на однократном использовании заклинания Кары – а превратиться в эдакого профессионального мстителя с книгой жалоб под мышкой. Эти несчастные пришли ко мне не от хорошей жизни – пусть половина из них злопамятна и склонна к доносительству, но ведь есть и такие, как тот торговец зельями...

«Ей было четырнадцать. Моя жена не пережила».

«Чем справедливее будет ваша Кара, чем могущественнее покаранный...»

Этот его обидчик, скрывающийся от мести на острове Стан, должен быть достаточно могущественным?

И я подумал, что торговца, вероятно, можно было бы на всякий случай разыскать.

* * *

«...И не говори мне про эти обереги, милая! На моих глазах такое случилось, что я колдовского теперь до смерти не трону, в руки не возьму...»

Твердят: обереги, обереги... Подружка вот моя вышла замуж, а свекровь попалась лютая. И что же? Нет чтобы угодить старухе – попроворнее мести, пораньше вставать... Пошла к магу, что безделушками торговал, и купила оберег от свекрови, ожерелье тонкое на шею. С недельку все шло – ничего не сказать: подружка жировала, работы в руки не брала, до позднего утра в постельке, и слова худого от свекрови не слышала... А потом не заладилось что-то с оберегом, не то она уронила его, не знать – но кинулась на нее свекровь с ухватом, безумная, и ну бить, бить, бить... На счастье, и муж и свекор рядом были, во дворе, на крик прибежали и оттащили старуху – та уж синяя была, а рвалась невестку душить... Пока дуручка эта оберега на сбросила – свекровь на нее рычала, у мужа и сына из рук вырывалась. А сбросила дура оберег – свекровь опомнилась, да только вся горница в кровище, невестка в синяках да с разбитым носом, да кости кое-где поломаны... А самое скверное – ребенка скинула. Да... Вот они, колдовские цапки. Потом приезжал какой-то из города маг, говорил всем, что обереги у кого попало покупать не следует, что к каждому печать должна прилагаться

и бумажка специальная, тогда, мол, можно покупать... Только я – зареклась. А вдруг подделают и печать и бумажку? Я что, грамотная? Ну их совсем с их оберегами...»

* * *

Вечер и половину ночи я провел в клубе.

В трубе огромного камина свистел ветер – погода стремительно менялась, и катаклизмы в грозowych облаках отдавались тупой болью у меня в затылке. Господа клубные завсегдатаи начали собираться часам к десяти, из всех лиц мне были знакомы только физиономии председателя и кассира. На плече у председателя, как и в первую нашу встречу, громоздилась сонная сова.

Мальчик лет четырнадцати, исполненный сознанием собственной важности, обносил господ магов напитками на серебряном подносе. Я взял холодного лимонада.

Проходя мимо моего столика, незнакомые маги вежливо наклоняли голову:

– Как здоровье вашей совы?

И всякий раз, приподнявшись согласно этикету, я кивал в ответ:

– Сова поживает хорошо, спасибо...

И ловил на себе заинтересованные взгляды. Все они уже знали, конечно, что именно этот провинциальный дикарь, занявший место за столиком в углу, только что выиграл Корневое заклинание.

Напротив, над камином, помещались настенные часы размером с собачью будку. Тяжелый маятник вызывал у меня трепет, а из окошечка над циферблатом каждые пятнадцать минут выглядывала деревянная сова. Когда она выглянула подряд одиннадцать раз – всем уже надоело надсадное уханье – в дверях обнаружилась единственная на всем этом сборище дама.

Дама была блондинка в простом черном платье до пят. Единственным ее украшением был пояс со множеством подвесок; пояс заинтересовал меня в первую очередь. Лицо и фигура прищелицы ничем меня не удивили: женщины не бывают наследственными магами, а только лишь назначенными, степень их как правило низка и все магические ухищрения сводятся к усовершенствованию собственной внешности. Все они предпочитают волосы цвета соломы, крупный бюст, высокие скулы и голубые глаза; во всяком случае, те немногие женщины-маги, которых я встречал в своей жизни, выглядели именно так.

А вот пояс...

Пояс был мужской, его потертость и некоторая засаленность не вязалась с вечерним платьем. Пряжки и бляхи потускнели; ко множеству бронзовых колечек крепилось штук двадцать цепочек, на них висели замшевый кошелек, чехол для письменных принадлежностей, чернильница, оберег от мужского своеволия, золотые и костяные украшения, и среди всего этого хлама – маленькая цапка, о которую сразу же зацепился мой взгляд.

Проклятье, или они мне мерещатся повсюду, эти камни?!

Я попытался определить, какой эта дама степени – и не определил. Возможно, тот второй оберег для этого и служил – защитой от чужого любопытства.

– ...Как здоровье вашей совы?

Я невольно вздрогнул. У моего столика стоял сам господин председатель; щеки его переняли цвет выпитого красного вина, а выпил он, по-видимому, изрядно. Мне показалось, что даже сова на его плече косится на хозяина с неодобрением.

– Прекрасно, – отозвался я коротко.

– Вы не будете против, высокородный господин зи Табор?..

И, не дожидаясь моего ответа, опустил на кресло рядом со мной.

– Вижу, вы не спешите отбыть домой, наверное, наша суетливая городская жизнь забавляет вас?

– Я давно не был в городе, – сказал я, глядя, как дама в черном платье пересекает зал. С ней здоровались, но прохладно; по-видимому, дама не была здесь чужачкой, но и к числу завсегдатаев не относилась.

Председатель, не глядя, поймал бокал, слетевший к нему в ладонь с подноса мальчишки-прислужника. Прищурился, глядя на меня сквозь рдеющее в хрустале вино:

– Вы уже оценили все тяготы, которые приносит наш выигрыш? Толпы просителей...

– Да, – сказал я.

– Мой вам совет, – председатель отхлебнул из бокала. – Не слушайте никого, не давайте спровоцировать себя, не будите в себе ложное чувство справедливости. Корневое заклинание Кары существует не для того, чтобы кого-то карать... А для обладания им. Обладания – и все. Оторвите голову вашему глиняному болвану – но лишь в последний день оговоренного срока. Чтобы не упустить ни дня. А кого вы при этом покараете – совершенно все равно, уверяю вас, Хорт, – и он отхлебнул снова.

– Да? – спросил я недоверчиво. – А я слышал...

– Члены правления клуба, – продолжал председатель, не слушая меня, – не имеют права участвовать в розыгрыше. Тем не менее, – он сделал хитрое лицо. Наклонился к моему уху, так что сова на его плече недовольно затопталась. – Эй-фо-рическое ощущение, господин зи Табор. Пьянит почище вина... Кстати, простите за нескромный вопрос. Какова природа вашей болезни, той самой, что не позволяет вам пить спиртное? Я могу порекомендовать первоклассного врача...

– Спасибо, – сказал я поспешно и, возможно, не вполне вежливо. – Спасибо, я... пока не нуждаюсь.

– Как хотите, – председатель слегка обиделся. – Кстати... вы не находите, что женщина в магии столь же уместна, как мышь в бочке меда?

– А? – я оторвал взгляд от незнакомки в черном.

– Да-да. Эта странная дама, на которую вы с таким интересом смотрите... Некая Ора Шанталья. Которая вот уже несколько лет упорно является на каждый розыгрыш... К чему ей Кара, как вы думаете?

– Мало ли, – сказал я медленно.

Председатель пожевал губами:

– Кара в руках стервы – это... Это ужасно. Я надеюсь, ей не выиграть Заклинания... Я мало знаком с ней и ничего не могу сказать точно... Но она действительно производит впечатление стервы. К чему, например, эта выставка побрякушек на поясе? Все эти обереги, камушки...

– Камушки, – повторил я задумчиво.

– Да... При том что иницирующий предмет у нее – не палочка, не брошка и не кольцо, а искусственный зуб во рту, можете мне поверить...

– Да? – я удивился такой осведомленности.

– Да... – мрачно кивнул председатель. – Это не совсем прилично – приходить в наш клуб с оберегом от мужского своеволия, вы не находите? Если бы она была мужчиной, ее давно бы попросили снять половину побрякушек или покинуть зал. Но все мои коллеги, к которым я обращался с этим предложением, только отмахивались – она, мол, единственная особа женского пола, если уверенности в себе недостает – пусть утешается сомнительными артефактами...

– В самом деле, – сказал я, глядя, как дама в черном платье цедит вино за столиком в противоположном углу.

– Когда она вас в грубой форме отошлет, – сказал председатель, проследив за моим взглядом, – не говорите, что я вас не предупреждал.

– Онри, больше не пей, – скрипучим голосом сказала сова у него на плече. – Ты и так болтаешь лишнее.

Я вздрогнул.

– Да, – смиренно отозвался председатель. – Не волнуйся, Фили, я выпил не так уж много и чувствую себя превосходно... Мое почтение, господин Хорт зи Табор. Долгих лет вашей сове.

И ушел, покачиваясь.

Некоторое время я честно пил свой лимонад. Потом встал, пересек зал, то и дело желая здоровья чужим совам, и оказался в непосредственной близости от дамы в черном.

– Вы разрешите?..

Она окинула меня сумрачным взглядом. Коротко кивнула.

– Как здоровье вашей..?

– Сдохла, – отозвалась дама, глядя мне в глаза.

– И моя сдохла, – пробормотал я растерянно. – Вот неприятность.

Дама пожала правым плечом:

– Никакой неприятности, я терпеть не могу сов. Вы – тот самый счастливчик, который выиграл заклинание?

– Да... Я прошу прощения. Кажется, это кресло, в которое вы сели, кажется, это то самое, на которое десять минут назад случайно пролили соус...

Да, она инстинктивно привстала и оглянулась; я не мгновение получил возможность увидеть вблизи ее пояс. Среди прочих безделушек там висел крупный камень-брелок в виде тигриной морды.

Еще один камень с глазами.

– Я ошибся, – сказал я печально. – Это кресло чистое...

Она покраснела.

Глаза ее оказались не голубыми, а карими. Волосы – цвета выбеленного хлопка. Губы – алые и тонкие, причем уголки рта норовили опуститься вниз. Вот как сейчас:

– Умно и тонко, мой молодой господин. Только зачем такие ухищрения? Вы могли просто предложить мне пройтись взад-вперед – тогда, оценив достоинства и недостатки моей фигуры, и решили бы окончательно, стоит ли продолжать знакомство... если бы у вас была такая возможность. А теперь будьте любезны, вернитесь за свой столик.

– Простите, – сказал я, действительно испытывая нечто вроде смущения. – На самом деле я вовсе не так брутален... Я хотел только...

– Избавьте меня от своего общества.

Сказано было убедительно и емко; секунду потоптавшись на месте, я вернулся на исходную позицию.

Господин председатель смотрел на меня их противоположного угла. Смотрел со смесью сочувствия и злорадства.

* * *

ВОПРОС: Что такое иницирующий предмет?

ОТВЕТ: Это основной магический предмет, позволяющий назначенному магу производить магические действия. Иницирующий предмет вручается назначенному магу в вечное пользование в случае успешной аттестации.

ВОПРОС: Нужен ли иницирующий предмет наследственному магу?

ОТВЕТ: Нет, не нужен.

ВОПРОС: В каком виде существуют иницирующие предметы?

ОТВЕТ: В виде миниатюрных волшебных палочек, колец, медальонов, браслетов и пр. ювелирных изделий, в горных условиях иногда – посохов.

ВОПРОС: Что происходит в случае утери магического предмета?

ОТВЕТ: В случае утери магического предмета потерявший должен подать заявление в окружную комиссию в течение десяти дней и не позднее. Комиссия рассматривает заявление и, в зависимости от обстоятельств, либо назначает штраф и выдает потерпевшему новый магический предмет, либо лишает его магического звания.

* * *

Два дня спустя я наведлся в контору справа от рынка – для очистки совести, ни на что не надеясь. Побитый молью чиновник выдал мне справку, на которой корявым почерком записаны были три адреса – эти трое желали продать мне камушки.

По первому проживала бедная вдова, распродающая утварь и украшения. Я купил у нее кольцо с рубином – просто из жалости.

По второму адресу меня встретил парнишка лет пятнадцати и предложил на выбор целую шкатулку с драгоценностями. Сразу сообразив, в чем дело, я пообещал обо всем донести его матери; переменившись в лице, парнишка умолял меня этого не делать. У матери так много побрякушек, она не заметит пропажи, в то время как он, вступающий в жизнь юноша, вынужден мириться с унижительной бедностью. Мать скупа и не дает на самые необходимые расходы, и так далее, и тому подобное. Я ушел, оставив юнца один на один с его проблемами.

Третьим адресом значился какой-то постоялый двор на окраине. Я долго думал, а стоит ли тащиться так далеко и по таким грязным улицам – но в конце концов привычка доводить дело до конца заставила меня потратиться на карету с кучером и навестить гостиницу «Три осла».

И я не пожалел о потраченном времени.

* * *

– ...Ей-ей, не похожи вы на скупщика, благородный господин. Ей-же-ей, не похожи...

Старикашка был отнюдь не беден – ему принадлежала большая часть телег, загромодивших двор, и горы мешков на этих телегах, и лошади, и мулы, и еще куча всякого добра – тем не менее он остановился в самом маленьком, самом вшивом номере «Трех ослов», одет был в засаленный кафтан и мешковатые штаны с чудовищными заплатами на коленях, и я своими глазами видел, как он бережно подобрал валявшийся во дворе кусок бечевки: вещь нужная, сгодится...

– Не ваше дело, почтенный, на кого я похож, а на кого не похож. Камушек продавать будем – или ляды точить?

Старикашка поводил кустистыми бровями; на его загорелом до черноты морщинистом лице брови были как два островка пены. И плавали по лицу совершенно независимо от прочей старикашкиной мимики.

– Камушек, конечно, хорошо... Хороший камушек. Вот, не изволите ли взглянуть.

Я изволил; и замусоленного мешочка с разной мелочью извлечен был камушек размером со средний желудь. Я глянул – и ощутил, как меня захлестывает теплая, в иголочках нервов, волна.

Бирюза. Безмятежно-синяя собачья морда; то есть с первого взгляда кажется, что собачья, а по пристальному рассмотрению уже не знаешь, как эту зверушку назвать. Добренький такой, старенький, впавший в маразм волк-людоед.

– Нравится, благородный господин? – поймав мой взгляд, старикашка споро убрал обратно в мешочек. – Коли нравится, давайте цену ему сложим, что ли. Вещь дорогая, кабы не нужда, так и не продавал бы...

Он врал так же привычно, как чесался. Без особого смысла и не потому, что зудит. Механически.

– Вы, почтеннейший, товар-то не прячьте, – сухо сказал я. – Так не принято – мельком камни оценивать. Погляжу – а там и о цене поговорим. Ну?

Камень явился на свет повторно; еще прежде, чем коснуться его пальцами, я поймал облачко чужой силы, средоточием которой была собачья (волчья?) морда.

Это был *третий* такой камень. Или *четвертый*, если считать и тот, что висит на поясе дамы в черном; надо полагать, к камушку прилагалась очередная история.

– Возьму, пожалуй, – сказал я задумчиво. – Только, господин хороший, вы уж расскажите мне, откуда у вас эдакая милая безделка. За рассказ доплачу. Идет?

Старикашка смотрел на меня в упор – насмешливо и холодно. Белые, как пена, удивленные брови поднялись так высоко, что, казалось, еще чуть-чуть – и они соскользнут на затылок.

– Вам, господам все сказки подавай. До седых волос, бывает, доживет барин – а хлебом не корми, дай баек послушать, будто дитю сопливому... Только вы, благородный господин, камушек покупать собирались, а языком я сроду не торговал и не собираюсь. Берете – или как?

Я полез в карман и выложил на покрытый жиром стол пригоршню крупных серебряных монет.

Старикашка посмотрел на серебро, потом на меня; белые брови помедлили и вернулись на место, зато уголки безгубого рта жестко, иронично приподнялись:

– Это ваша цена за камень?

– Это моя цена за рассказ, – сказал я в тон ему, холодно. – Камень не стоит и половины этих денег... Вы правы, почтенный, на скупщика я не похож и ремеслом таким сроду не баловался. А сказки ваши, как вы изволили выразиться, я готов оплатить – при условии, что хотя бы половина рассказанного окажется правдой... Итак, откуда у вас эта... штука?

Некоторое время старикашка смотрел мне в зрачки. На третьей минуте этого взгляда я счел возможным добавить денег в поблескивающую на столе горку.

– Атропка! – прозвал старикашка, почти не повышая голоса. За его спиной, в дверях, сейчас же возник плечистый детина – на полголовы выше меня и вдвое шире.

– Атропка, – старик прищурился. – Тут господинчик изволит шутки шутить со старым Прорвой, так ты, будь любезен...

Я не поверил своим ушам. Старикашка, заботливо подбирающий кем-то оброненную веревочку – и отказывается от полновесной горки серебра?!

– Пожалуйста вон, господин, – прогудел Атропка. Голос у него был под стать фигуре. А может быть, он специально басил – дополнительной угрозы ради.

– Право же, – сказал я ласково. – Право же, не понимаю. Кулончик беру, но должен же я быть уверен, что камушек не краденый?

Старичок смотрел не просто насмешливо – презрительно. Атропка оказался у меня прямо за спиной:

– А пожалуйста...

Я ждал, когда он меня коснется. Р-раз! – заскорузлая рука непочтительно ухватила меня за локоть; два – вместо плечистого детины на пол грянулся толстый, неприлично желтобрюхий змей. Крупный, но неядовитый.

– А-а-аа...

Некоторое время Атропка извивался на досках, тщетно пытаясь понять, каким образом надо ползти. Потом дело заладилось – тускло посверкивая чешуей, бывший плечистый молодец зазмеился по направлению к двери. Я перевел взгляд на старикашку.

Лицо его, и без того темное, налилось дурной кровью и сделалось как уголь. Одна белая брось взлетела вверх, другая опустилась, полностью скрывая глаз; я испугался, что строптивного деда хватит удар.

– ... Так что, почтеннейший, я к вам по-доброму, а вы, стало быть, дуболомов своих вызываете... Так откуда у вас камушек?

– Мелко размениваетесь, господин маг, – сказал старикашка, и брови его сошлись в один мохнатый островок. – В старину колдуны сами к людям не хаживали, прислужников высылали... Мой это камень, не украл, не купил. Мой... А парня назад оберните, ему еще сегодня с кузнецом толковать, который работу нам испортил, а деньги не...

Голубоватая коленчатая молния, слабенькая, но очень красивая, ударила в столешницу прямо перед старикашкой. Запахло паленым; дед отшатнулся, не забыв, впрочем, спрятать в кулаке кулон. Я чувствовал все нарастающее раздражение: вместо того, чтобы споро и эффективно вытянуть из старикашки такие нужные для меня сведения, я все глубже ввязывался в какой-то сомнительный балаган. Змеи, молнии...

– Да, мелок колдун пошел, – сообщил старикашка сквозь зубы. – Мелок и суетлив, даром что глаза разные. Отец мой колдуну служил – так тот был-таки колдун, не сомневайтесь. Да чтобы он сам в корчму пришел, чтобы перед мужиком молнии метал?!

Не говоря ни слова, я полез за пояс. Вытащил футляр; глиняный уродец оказался очень холодным на ощупь. Холодным и шероховатым; левой рукой я ухватил муляж поперек туловища, правой взялся за непропорционально большую голову. «При первом прикосновении к затылку муляжа включается режим обвинения...»

Я посмотрел старику в глаза.

Если бы он ухмыльнулся, играя бровями, или что-то еще сказал – глиняная голова отделилась бы от туловища, не дожидаясь оглашения приговора. Потом – уже через минуту – мне было горько и стыдно вспоминать о приступе бешенства, захлестнувшем меня в это мгновение.

Но старик ничего не сказал. Маловероятно, что он знал, для чего служит глиняная статуэтка – скорее всего, просто правильно прочел выражение моих глаз.

Минута прошла в молчании; а потом я опомнился. Оторвал взгляд от лица старикашки, приобретшего теперь уже грязно-лимонный оттенок; посмотрел на свои руки с зажатой в них фигуркой. Подчеркнуто неторопливо – изо всех сил стараясь избежать суеты! – спрятал статуэтку обратно в футляр.

«В практике этого заклинания был случай, когда человека покарали насмерть за пролитый кофе... Названная вина должна в точности соответствовать действительной провинности, в случае ложного обвинения заклинание рикошетом бьет по карающему...»

Еще секунда – и глиняный болван закончился бы. И закончилась бы моя власть. На ровном месте. А этот... этот упрямец...

Случайность?

Пролитый кофе?

– Ладно, – тихо сказал старик. – Слушайте.

* * *

«Вы наследственный маг, и ваш сын превосходит вас степенью. Поздравляем от всей души! Но если вы хотите, чтобы ваши отношения с ребенком складывались нормально, обратите внимания на наши рекомендации.

Первое. Никогда не допускайте прямого магического противостояния! Вы проиграете ребенку, и для него и для вас это может иметь трагические последствия. Ваш отцовский авторитет должен держаться на ценностях, не имеющих отношения к магии.

Второе. Не мешайте ему играть, пока игры его носят невинный характер. Пока он превращает соседских кур в грифонов и павлинов – молчите, пусть развивается... Как только он захочет превратить ваш нос в морковку – выпорите его. В отношениях с маленьким магом розга подчас – незаменимый инструмент.

Третье. Учите его наукам, искусствам, благородным ремеслам. Пусть будет занят делом с утра и до вечера. Не мешайте ему издеваться над учителями – те сами обязаны поддерживать свой авторитет.

Четвертое. Не скрывайте от него, что его магическая степень выше вашей. Сообщите ему об этом спокойно и просто».

* * *

Через полчаса я остановился перед аптекой на углу и заглянул в металлическое зеркальце у входа. Вид у меня был еще тот: синий глаз потускнел и будто подернулся пленкой, зато желтый горел ненасытно и хищно. Не приходилось удивляться, отчего это прохожие так и шаркаются в стороны, отчего молодой и тощий стражник, встреченный при выходе с постоянного двора, с тех самых пор следует за мной неотрывно. Кстати, вот его озабоченное лицо отразилось в зеркале за моей спиной...

Я резко развернулся:

– Честный страж желает видеть мои документы?

Честный страж был бледен, но решителен. Я предъявил ему членский билет Клуба Кары с уплаченными взносами; бегло просмотрев бумагу, юнец сглотнул и поклонился:

– Прошу прощения за беспокойство, господин зи Табор... Служба.

Я понимающе покивал. Напряжение понемногу спадало; еще чуть-чуть, и глаза мои придут в относительное равновесие, и можно будет спуститься в погребок, посидеть над бокалом лимонада и обдумать рассказ строптивного старикашки.

– ...Оладьи, плюшки, сдоба! Налетай, пока не остыло!

Разносчица сдобы была, против ожидания, на редкость костлява. Скверная рекомендация сдобным булочкам – тощая торговка...

Я обнаружил, что стою в двух шагах от рыночной площади, а чуть охрипший голос мальчика с тумбы тонет в рокоте толпы: «...аю...оценные... и полу...агоценные...оны, вески. Дорого!». Чуть поколебавшись, я решил зайти в контору справа от рынка и проверить, нет ли новых адресов для меня; адресов не оказалось, и я поймал себя на чувстве облегчения.

Старикашка меня утомил.

Он был оптовый торговец, дело его процветало во многом благодаря старикашкиной хватке и дисциплине, насажденной им среди подручных и слуг. Всякий раз, заводя новое знакомство, старик твердо знал, какую выгоду это принесет в дальнейшем; примерно полгода

назад строгая система дала сбой. На какой-то ярмарке – «Это не сáаїї было, далеченько», – расчетливый дед сошелся с молодым торговцем, и тот в одночасье стал ему «любезнее сына».

Корысти в их дружбе не было никакой. Парень был почитителен, разумен, строг к себе и к другим – «не то что это нынешнее племя вертихвостов». Старик предложил парню поддержку и покровительство, тот в радости согласился. Странная дружба – именно дружба, а друзей у старикашки не было отродясь – длилась, по его словам, два месяца. Потом случилось вот что.

Почтительный парень повез старика в отдаленную ремесленную слободку – наклевывалась выгодная сделка с кожевником. По дороге путники зашли в трактир, и после первой кружки пива старикашка потерял память. Очнулся на земле, вся одежда и кошелёк с деньгами были на месте; преодолев головокружение и разогнав муть перед глазами, обнаружил себя в сотне шагов от кованых ворот собственного немаленького дома.

Самое интересное началось потом. Отца и хозяина встретили воплями и обмороками; оказалось, что со времени его последней отлучки прошло не много не мало, а шестьдесят восемь дней. Семейство успело оплакать безвременно почившего старикашку – а в том, что он почил, никто особо не сомневался, потому что, по верным слухам, как раз в ночь памятного путешествия от рук разбойников погибли двое невооруженных торговцев.

Потрясенный случившимся, старикашка не сразу обнаружил у себя на шее кулон. Бирюзовый камушек прятался под одеждой; впервые взяв его в руки, старик ощутил неясную тревогу.

Заботы о торговле отвлекли его от дурацких размышлений. За время его отсутствия дело пришло в упадок – виной тому были неразумные действия сыновей, вместо работы занявшихся дележом наследства. Пытаясь восстановить порушенные сыновьями сделки, проверяя записи в приходе-расходной книге, железный старик не позволял себе терзаться вопросом: а где, собственно, носило его тело и разум все эти шестьдесят восемь дней?! Он очнулся, не испытывая ни голода, ни жажды, одежда его была чиста, борода расчесана; не похоже, чтобы все это время он валялся без сознания в звериной норе или логове разбойников. Спустя несколько недель после чудесного возвращения – торговые дела более-менее выправились – он осмелился посетить придорожный трактир, тот самый, где ему изменило сознание; трактирщик узнал его и вспомнил его спутника. По его словам, оба поели и выпили, расплатились и спокойно отправились дальше...

Его молодого друга больше никто и никогда не видел. Некоторое время у старика болела душа – он сам не думал, что способен так привязаться к другому человеческому существу, да к тому же чужому во всех отношениях. Но время шло, душевные раны зажили (тут я подумал, что старикашкина душа обладает живучестью таракана). Вот только кулон тяготил торговца, он несколько раз порывался его выбросить, но всякий раз, кряхтя, останавливал руку. Сроду он не выбрасывал и не дарил без умысла дорогих вещей; рассудив, он решил, что продаст камень при первой же возможности. И вот – двое торговцев безделушками отказались от покупки под разными предложениями, когда появился я со своими деньгами, молниями и любопытством...

Выслушав старика, я осторожно поинтересовался о его душевном здоровье. Не стал ли он замечать за собой чего-то, прежде не проявлявшегося, или, может быть, окружающие заметили, что после похищения он стал не тот?

Старикашка долго и презрительно смотрел на меня. Я все понял и извинился за бестактный вопрос.

...Змея-Атропку отыскиали по женскому визгу, доносившемуся из кухни. Желтобрюхий свалился на голову стряпухе откуда-то сверху, из отдушины, и чудом избежал кипящего котла; еще минут пять змея пытались схватить и запихать в пустую кастрюлю. Брошенный к моим ногам, Атропка имел вид странный и жалкий; под взглядами перепуганной челяди я потребовал отдельную комнату для обратного превращения.

Мне была предоставлена тесная, но относительно чистая клетушка.

С некоторым усилием – усталость, нервы! – я вернул Атропке человеческий облик. И, не дожидаясь, пока полуживой молодец поднимется с пола, сгреб его за шиворот, приблизил безумные глаза к своему лицу:

– Говори... Как хозяин переменялся после той переделки? После того, как вроде бы воскрес? Как переменялся, говори, не то в жабу перекину!

Атропка икал. Я испугался, что он грохнется в обморок.

– Добрее стал или злее?

Странное движение головой.

– Щедрее стал или прижимистее? Щедрее?

На этот раз вполне определенный жест. «Нет».

– Говори, – сказал я как мог мягко. – Тебе в голову не приходило, что он умом рехнулся? «Нет».

– Но ты ведь видел, что он изменился?

«Да».

– А другие видели?

– Да, – шевельнулись Атропкины губы. – Отпустите, господин маг, пощадите, ей-же-ей...

Его лицо плаксиво исказилось.

– Говори! – я подтянул его ближе. – Говори, как изменился хозяин, и отпущу в ту же минуту! Ну?

– П-петь перестал, – выдохнул Атропка, сияясь отодвинуться от меня подальше.

– Петь?!

– Прежде бывало все пел... В дороге, на ярмарке... Даже кнутом кого охаживал – и то насвистывал... Теперь – не. Молчит. Всегда...

Выпустив Атропку, я ощутил внезапную усталость. Каждый косой взгляд – а весь постоянный двор теперь глядел на меня косо – провоцировал раздражение. Футляр с муляжом неудобно тер мне бок.

Поющий старикашка. Соловушка, чтоб ему пусто было...

– Варенье! Купите, добрые господа, варенье!

– А вот пироги, кому пироги!..

Я поманил торговку пальцем. Купил круглую булку, тут же велел намазать ее розовым вареньем, и так, жуя на ходу (прости меня, печень!), побрел по направлению к гостинице «Отважный суслик».

Толстая тетрадь на цепочке, казалось, охраняла вход. Цепная тетрадь; за дни, проведенные на страже, она безобразно разбухла. Коробились листы, там и сям темнели чернильные пятна. Свободного места не осталось вовсе, и последние посетители оставляли свои жалобы прямо на обложке.

И еще – тетрадь оказалась тяжелой, как кирпич. Она оттягивала мне руку, когда, зажав груз жалоб под мышкой, я поднимался в свою комнату.

Встретив в коридоре горничную, я потребовал, чтобы у меня в номере растопили камин. Если она и удивилась, то виду не подала – каменные стены еще помнят чудовищную жару, вечер стоит белый и теплый, будто парное молоко, однако желания господина мага вовсе не обязаны поддаваться разумному объяснению. Камин – значит камин.

Дождавшись, пока дрова хорошенько разгорятся, я уселся перед каминной решеткой и минут десять смотрел в огонь. Потом протянул руку и уронил в пламя толстую, мелко испи-санную тетрадь.

Вот и все.

Я смотрел, как сквознячок листает грязные лиловые страницы, как они скручиваются по краям, темнеют, гаснут. Вопли и стоны о возмездии, о каре, о несправедливости сочились дымком, уползали в каминную трубу. Почти беззвучно.

Простите меня, люди добрые, но всем вам я уж точно не смогу помочь. Ни вдовам, ни сиротам, ни ограбленным, ни оболганным – собственно говоря, для решения ваших проблем не нужна никакая Кара...

Я с трудом оторвал взгляд от догорающей тетради. Подошел к столу; вытащил из кошелька синий камушек на цепочке. Собачья (волчья?) приветливая морда.

И еще один, сердоликовый, с двумя печальными глазами, напоминавшими мне о старой обезьяне.

И еще один – покрытый копотью, снятый с груди заживо сгоревшего старика.

...Огонь, раскаленная решетка, безумец, которого я мог бы спасти, если бы оказался в нужное время в нужном месте...

Я действительно хочу отомстить за него? Давно ставшего для меня чужим человеком? За самодура, тирана, за старого барона Ятера?

Я прикрыл глаза. Еще один камушек предстал перед моим внутренним взором – я не мог положить его на стол рядом с первыми тремя, потому что он остался на поясе строптивой дамы в черном. То была желтая тигриная морда.

Птенцы из одного гнезда. Игрушки, вышедшие из-под руки одного мастера. И мастер тот еще. Мастер с большой буквы. Некто могущественный до того, что дрожь пробирает при одной мысли о границах его возможностей. Некто изобретательный, коварный, бессердечный... Великий, без сомнения, маг.

«Чем справедливее будет ваша Кара...»

Куда уж справедливее! Безумный дядя Дол, живой факел... Ладно, ювелиршу и старого купца можно сбросить со счетов, ничего ужасного с ними не приключилось... Но в природе существуют и другие жертвы Мастера камушков. Наверняка.

Я поймал себя на том, что ковыряю в носу мизинцем. Попробовать? Раскрутить этот клубок? А платой наверняка будет громкая слава. А если старичок-одуванчик прав – еще и могущество...

И Дол де Ятер будет отмщен.

Я подумал еще.

Потом уселся на подоконник и приманил с соседней крыши самого толстого и здорового с виду голубя. Дорога неблизкая, но этот, пожалуй, долетит...

«Дорогой Ил! Во имя нашей дружбы я согласен пойти на неслыханный риск... труды и потери...»

(Деревянный конь на колесиках – полированное чудо, куда более привлекательное, чем все породистые лошади на конюшне Ятеров. За этого коня дядя Дол заплатил дороже, чем платят за целую упряжку; Ил лезет покататься первым, но я оттесняю его, взбираюсь в бархатное седло, бесстрашно опускаю рычажок – колеса вертятся. Механический скакун трогается с места, но слишком медленно; Ил бежит рядом со стремянем, Ил обгоняет меня и бежит уже впереди; Ил оглядывается, на лице у него испуг: «Останови! С горы не надо!»)

Я бестрепетно направляю скакуна с горы. Он разгоняется и разгоняется; деревья и камни несутся навстречу, зад мой неожиданно больно бьется о седло, но я терплю и даже выкрикиваю что-то удалое. Наконец колесики не выдерживают, конь сперва наклоняется, а потом опрокидывается с грохотом, а я лечу в пыль – и на лету не успеваю сообразить ни одного подходящего заклинания. Падаю на острый камень – больно ужасно; я с трудом сдерживаюсь, чтобы не зареветь в голос, а слезы уже текут по щекам, проделывая в пыли бороздки. Конь лежит рядом – безнадежно испорченный, треснувший, с отломившейся передней ногой. С горы бежит, вопя и всхлипывая, Ил, а за ним бежит дядя Дол, молча и страшно, и я облизываю губы, собираясь сказать ему про полмешка серебром, которые мой отец обязательно вернет ему...

Дядя Дол в три прыжка обгоняет сына. Кидается ко мне – лицо у него застывшее, я пугаюсь. Хватает меня за руки: «Где болит? Здесь больно? А здесь?»

И, даже не взглянув на разбитую игрушку, несет в дом – на руках, бережно, как сына, как никто не носил меня с тех пор, как мне исполнилось пять лет...

«...И пошли мы в атаку, Хортик. Папаша мой, земля ему ватой, в бою был неудержим, ровно вепрь, я бился с ним рука об руку, а братец мой, земля ему ватой, прикрывал спину. Ну тут началось! Мы зашли справа, а эти, земля им камнем, спрятали лучников в засаде, а пехоту пустили на убой, лишь бы нас под эти стрелы заманить... Кабы не папаша мой, земля ему ватой, не сидел бы с тобой, колдуненок, не травил бы байки, так-то...»

Пахнет какой-то лечебной гадостью. Коленка распухла, как мяч. Я терплю. Я даже улыбаюсь, слушая истории дяди Дола; отец далеко, в городе, а дядя Дол сидит рядом с кроватью, иногда касаясь моего лба шероховатой ладонью.

Я хороший, думаю я, засыпая. Я хороший, это Ил – дурак...)

«Дорогой Ил!» Так. Это уже написано. «...И потери... и разыскать злодея, повинного в трагической гибели вашего батюшки...»

Я потер переносящую, отгоняя ненужные воспоминания.

Что общего между старым бароном, ювелиршей, торговцем?

У барона и торговца – сколько угодно схожих признаков. Оба стояли во главе семейства, оба были богаты и были самодурами. Оба отличались скверным характером... Но ювелирша? Ювелирша, кроткая и романтическая, со своим увлечением живописью, со своим маленьким женским счастьем...

Ладно. Тут пока тупик. Теперь сроки: старый барон Ятер отсутствовал... сколько? Год и восемь месяцев. Ювелирша? Неделью. Торговец? Шестьдесят восемь дней. Впечатляющий разброс. Если бы тяжесть потери зависела бы от срока, проведенного в неведомом месте – барон бы занимал первое место, каковое он, бедняга, и занимает. Дальше шел бы торговец, потом ювелирша, как наименее пострадавшая...

Но вот как сравнить тяжесть потери торговца и ювелирши? Бедная женщина потеряла, видите ли, вкус. У старикашки могло и не быть никакого вкуса, а мог и быть, все равно его потерю никто бы не заметил...

Хорошо. Учтем, оставим на потом.

Дальше. Когда пропал барон? Год и восемь с половиной месяцев назад. Ювелирша? Девять недель назад... то есть два месяца. Торговец? Четыре месяца назад. Что нам дает это знание? Пока ничего, но запомним.

«Дорогой Ил! Во имя нашей дружбы я согласен пойти на неслыханный риск, труды и потери, и разыскать злодея, повинного в трагической гибели вашего батюшки... Негодяй будет покаран! Это говорю я, Хорт зи Табор».

Я примотал послание к лапе голубя, заговорил его от хищной птицы и пустил в небо. Потрясенный голубь сперва заметался между флюгерами, и потом только, ведомый моей волей, уверенно пустился в дорогу. Я провожал его взглядом, сидя на подоконнике.

...Обстоятельства исчезновения. Старый барон Ятер влюбился в молодую авантюристку, она потащила его в путешествие и... ага. А торговец неожиданно для себя и окружающих подружился с молодым почтительным... который стал ему любезнее сына. И этот дружок тоже потащил его в дорогу – заключать выгодную сделку. Опять сходство... И опять выпадает ювелирша. Та никуда не ездила, просто пошла за покупками... С кем? С закадычной подругой. Как ее, Тисса Граб, которая после происшествия с ювелиршей пропала, будто не бывало...

И снова я ощутил, как поднимается изнутри теплая игольчатая волна. Как невидимые острия покалывают подушечки пальцев.

Что-то важное. Не упустить.

* * *

ВОПРОС: Назовите известные вам магические объекты и независимые магические предметы.

ОТВЕТ: Большая Ложка, Быстрые Ботинки, Добрая Ель, Дом Одежды, Дуб-с-Глазами, Жестокая Скрипка, Лживое Зеркало, Приватная Банка, сабая, Свежий Источник, Сетевой Чернорот, Чудо-из-Недр.

ВОПРОС: Какое значение в жизни мага имеет символическая птица?

ОТВЕТ: Посвященная сова является символом принадлежности к магическому сообществу, предметом клятв и проклятий, а в некотором случае и обетов. Наиболее серьезным является обет посовничества, когда два мага, обладающие одной и той же совой, соединяются узами куда более властными, нежели даже родственная связь. Сила этих магов, объединившись, возрастает многократно, зато каждый из них становится зависим от своего посовника. Именно это последнее обстоятельство обусловило относительную редкость таких обетов.

ВОПРОС: Какова средняя продолжительность жизни назначенного мага?

ОТВЕТ: Шестьдесят лет для магов четвертой степени, семьдесят – третьей, восемьдесят – второй, сто – для магов первой степени. Существует мнение, что назначенный маг, достигший уровня внестепенного, получает возможность жить вечно. Так называемые «ископаемые маги» – по преданию, маги из прошлого, по природе своей назначенные, однако обретшие исключительную силу благодаря множеству прожитых веков...

ИТОГ: Теоретическая часть испытания пройдена претендентом не без огрехов (к какому относится упоминание досужих домыслов), однако в целом удовлетворительно. Предлагаю перейти к практическим испытаниям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.